

Введение

- Обращение к русскому читателю
- Шматко Наталья. Введение в социализм Пьера Бурдьё
- Шматко Наталья. «Социальное пространство» Пьера Бурдьё
- Батурчик М. В. Габитус
- Структуры, Habitus, Практики
- Формы капитала
- Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение

Обращение к русскому читателю

1993

Нужно ли говорить, как я счастлив и горд, что это собрание текстов и размышлений, посвящённое мной политике, публикуется на русском языке? Однако я не могу не усомниться в успешности испытания, которое представляет для любого произведения и для любого писателя проникновение в иной культурный универсум и обращение к читателю, погружённому в иную историю. При международных контактах тексты циркулируют в отрыве от породившего их контекста и потому подвергаются многим деформациям и трансформациям, порой творческим.

Мы всегда читаем сквозь призму нашего габитуса и не прекращаем проецировать на эти тексты вопросы, предположения, подтекст, которые нам внушают обстоятельства и, в частности, политики, направляющие наши цели и наши промахи. Как эта книга сможет пройти такого рода испытание? Ведь дистанция между политическим опытом, который может иметь мой русский читатель, особенно, если он родился до Второй мировой войны, и опытом, полученным мной в послевоенной Франции, очень значительная, по крайней мере, внешне. Несомненно, в политическом словаре нет ни одного слова, которое имело бы тот же смысл и ту же окрашенность для этого читателя и для меня. Иногда то, что я описываю как один из исключительно утончённых инструментов символической манипуляции, к примеру, опросы общественного мнения, может показаться ему инструментом освобождения, позволяющим заменить без сомнения несовершенную форму «прямой демократии» на резкий нажим и указания бюрократическим аппаратам.

Тем не менее я верю, что модели, предлагаемые мной для описания политического поля, или исключительно фундаментальный феномен делегирования могут быть применимы *mutatis mutandis* (С соответствующими изменениями [лат.] — Прим. пер.), к ситуациям совершенно различным по проявлениям. Я верю даже, что в мире мало таких мест, где будут более готовы к восприятию анализа бюрократического лицемерия уполномоченного политического лица и обращения к обобщённому антиклерикализму, сформулированному в конце моей статьи о делегировании, чем в стране, изобретшей и внедрившей на огромной части света тиранию аппаратчиков, — второсортных интеллектуалов, если не сказать посредственностей, царивших во имя теории, науки и правды, что позволяет делегирование.

Никогда не разделяя политических иллюзий и бреда сталинизма, маоизма и так далее, через которые прошли многие французские интеллектуалы, я избежал колебаний и поворотов, приведших многих моих современников от одной крайности политического спектра к другой. И если проделанная мной работа может принести сегодня какую-то пользу

для русского читателя, то потому, что я не переставал отвергать альтернативы, которые путём давления и принуждения навязывались политикой повсюду вплоть до недр интеллектуального поля: я имею в виду, например, противостояние между марксистами и формалистами, которое появилось впервые в России, и которое необходимо было преодолеть для того, чтобы заниматься строгим научным анализом произведений культуры, литературы, живописи, науки и философии. Но я мог бы перечислить ещё 20 других альтернатив, столь же разрушительных для исследования, которые, как я подозреваю, при современной конъюнктуре должны навязываться русским исследователям с особой силой как искушение простого переворота от «за» к «против», в которое вводят эти альтернативы.

Рискуя показаться претенциозным, я сказал бы, что особенности моей очень своеобразной траектории в недрах интеллектуального поля, в частности, отношения с политикой, дают возможность моему личному опыту, как мне кажется, помочь тем, кто будет читать эту книгу в России или в другой стране, сэкономить на ошибках, на которые обрекают себя те, кто игнорирует факт, что недостаточно развернуться в обратную сторону от ошибки, чтобы прийти к истине.

Шматко Наталья.

Введение в социоанализ

Пьера Бурдьё

1993

Введение

Пьер Бурдьё — один из крупнейших французских социологов нынешнего времени. Его профессиональная биография складывалась как постепенное восхождение к вершинам социологического Олимпа, к широкому его признанию научной общественностью и формированию отдельного социологического течения, называемого «школой Бурдьё».

Закончив в 1955 году Высшую педагогическую школу (Ecole normale supérieure) по специальности «философия» (учителями Бурдьё были Альтюссер и Фуко), он начал преподавать философию в лицее небольшого города Мулен, но в 1958 году уехал в Алжир, где продолжил преподавательскую работу и начал исследования как социолог. Именно Алжиру, алжирским трудящимся и мелким предпринимателям посвящены его первые опубликованные социологические труды: «Социология Алжира» (1961), «Труд и трудящиеся в Алжире» (1964). Затем последовал переезд вначале в Лилль, а потом в Париж, где в 1964 году Бурдьё стал директором-исследователем в Высшей практической исследовательской школе (Ecole pratique des hautes études). В 1975 году он основал и возглавил Центр европейской социологии, имеющий обширные международные научные контакты и программы, а также журнал «Учёные труды в социальных науках» («Actes de la recherche en sciences sociales»), который в настоящее время является, наряду с «Французским социологическим журналом» («Revue française de sociologie»), одним из ведущих социологических журналов Франции.

Наиболее важным этапом на пути признания заслуг Пьера Бурдьё стало его избрание в 1981 году действительным членом Французской Академии и получение им почётного поста заведующего кафедрой социологии в Коллеж де Франс. В настоящее время Бурдьё является автором 26 монографий и многих десятков статей, опубликованных в крупнейших научных журналах Франции и других стран. Его работы переводятся на все европейские языки и имеют широкий резонанс в международном научном сообществе.

Общая характеристика социологической концепции Пьера Бурдьё

Социология Пьера Бурдьё носит глубоко критичный и рефлексивный характер. Его диалектичное и порой парадоксальное мышление направлено на критику не только социальной или политической реальности переживаемого периода, но и на саму социологию как инструмент познания социального мира. Именно поэтому в работах Бурдьё большое место занимает социология социологии. Начиная со своих первых книг: «Социология Алжира» [«Sociologie de L'Algerie»] (1961), «Педагогическое отношение и коммуникация» [«Rapport pedagogique et Communication»] (1965), «Ремесло социолога» [«Le Metier de sociologue»] (1968) и кончая одной из последних — «Ответы» [«Reponses»] (1992), Пьер Бурдьё постоянно анализирует онтологический и социальный статус социологии в современном обществе, свободу и предопределённость в выборе предмета и объекта исследований, независимость и политическую ангажированность социологов.

Обращая внимание социологов на необходимость применения социологического анализа к самой социологии как одной из областей социального универсума, подчинённой тем же законам, что и любая другая область, Бурдьё отмечает, что деятельность социолога направляется не одними лишь целями познания, но и борьбой за собственное положение в научной среде. «Значительная часть социологических ортодоксальных работ, — пишет он, — обязана своим непосредственным социальным успехом тому факту, что они отвечали доминирующему заказу, часто сводящемуся к заказу на инструменты рационализации управления и доминирования или к заказу на «научную» легитимацию спонтанной социологии доминирующих» [1].

Для Бурдьё характерно глубокое пренебрежение междисциплинарным делением, накладывающим ограничения как на предмет исследования, так и на применяемые методы. В его исследованиях сочетаются подходы и приёмы из области антропологии, истории, лингвистики, политических наук, философии, эстетики, которые он плодотворно применяет к изучению таких разнообразных социологических объектов как: крестьянство, искусство, безработица, система образования, право, наука, литература, брачно-родственные союзы, классы, религия, политика, спорт, язык, жилище, интеллектуалы и государственная «верхушка» и так далее.

Когда проводят границу между эмпирической социологией и теоретической, то обычно говорят, что эмпирическая социология изучает реальные факты и явления, интерпретируемые в рамках абстрактной модели, которая и является теоретической социологией.

Эмпирическая социология, базируясь на конкретных данных, а priori интегрирована в наблюдаемую ей социальную реальность, тогда как теоретическая социология в своих

рассуждениях старается встать на некую объективную «сверхрефлексивную» позицию, расположенную как бы над обществом. Подобное деление на эмпирическую и теоретическую социологию абсолютно неприменимо к работам Бурдьё. Отвергая «непрактическую», не вовлечённую в социальную жизнь стратегию теоретического исследования как «наблюдения за наблюдателем», автор выстраивает свои работы как человек, чьи интересы инвестированы в действительность, которую он изучает. Поэтому главное для Бурдьё — зафиксировать результат, произведённый ситуацией наблюдения на само наблюдение. Это означает решительный разрыв с традицией, утверждающей, что теоретику «нечего делать с социальной действительностью, кроме как объяснять её» [2].

Отход от подобной «неинвестированной в социальную жизнь» стратегии исследования означает, во-первых, экспликацию того обстоятельства, что социолог не может занимать некую уникальную, выделенную позицию, с которой ему «видно все» и весь интерес которой сводится только к социологическому объяснению; во-вторых, социолог должен перейти от внешнего (теоретического) и незаинтересованного понимания практики агентов к пониманию практическому и непосредственно заинтересованному.

«Социолог противостоит доксософу тем, что ставит под сомнение вещи, кажущиеся очевидными... Это глубоко шокирует доксософов, которые видят политическую предвзятость в факте отказа от подчинения, глубоко политического, выражающегося в бессознательном принятии общих мест в аристотелевском смысле слова; понятий или тезисов, которыми аргументируют, но о которых не спорят». [3]

Логика исследований Бурдьё в корне противоположна чистому теоретизированию: как «практический» социолог и социальный критик он ратует за практическую мысль в противовес «чистой» мысли или «теоретической теории». Он неоднократно подчёркивает в своих книгах, что теоретические определения не имеют сами по себе никакой ценности, если их нельзя заставить работать в эмпирическом исследовании.

Диалектика социального агента

Вводя агента в противоположность субъекту и индивиду, Бурдьё стремится отмежеваться от структуралистского и феноменологического подходов к изучению социальной реальности. Он подчёркивает, что понятие «субъект» используется в широко распространённых представлениях о «моделях», «структурах», «правилах», когда исследователь как бы встаёт на объективистскую точку зрения, видя в субъекте марионетку, которой управляет структура, и лишает его собственной активности. В этом случае субъект рассматривается как тот, кто реализует сознательную целенаправленную практику, подчиняясь определённому правилу. Агенты же у Бурдьё «не являются автоматами, отлаженными как часы в соответствии с законами механики, которые им неведомы» [4]. Агенты осуществляют стратегии — своеобразные системы практики, движимые целью, но не направляемые сознательно этой целью. Бурдьё предлагает в качестве основы для объяснения практики агентов не теоретическую концепцию, построенную для того, чтобы представить эту практику «разумной» или, того хуже, «рациональной», а описывает саму логику практики через такие её феномены, как

практическое чувство, габитус, стратегии поведения.

Одним из базовых понятий социологической концепции Пьера Бурдьё является понятие габитуса, позволяющее ему преодолеть ограниченность и поверхностность структурного подхода и излишний психологизм феноменологического. Габитус — это система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агента и его представления. Он позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать более или менее адекватно на события и ситуации. За этим стоит огромная работа по образованию и воспитанию в процессе социализации индивида, по усвоению им не только эксплицитных, но и имплицитных принципов поведения в определённых жизненных ситуациях. Интериоризация такого жизненного опыта, зачастую оставаясь неосознаваемой, приводит к формированию готовности и склонности агента реагировать, говорить, ощущать, думать определённым — тем, а не другим — способом. Габитус, таким образом, «есть продукт характерологических структур определённого класса условий существования, то есть: экономической и социальной необходимости и семейных связей или, точнее, чисто семейных проявлений этой внешней необходимости (в форме разделения труда между полами, окружающих предметов, типа потребления, отношений между родителями, запретов, забот, моральных уроков, конфликтов, вкуса и тому подобного)» [5].

Габитус, по Бурдьё, есть в одно и то же время порождающий принцип, в соответствии с которым объективно классифицируется практика, и принцип классификации практик в представлениях агентов. Отношения между этими двумя процессами определяют тип габитуса: способность продуцировать определённый вид практики, классифицировать окружающие предметы и факты, оценивать различные практики и их продукты. (то, что обычно называют вкусом), что также находит выражение в пространстве стилей жизни агентов.

Связь, устанавливаемая в реальности между определённым набором экономических и социальных условий (объём и структура капиталов, имеющихся в наличии у агента) и характеристиками занимаемой агентом позиции (соответствующим пространством стилей жизни), кристаллизуется в особый тип габитуса и позволяет сделать осмысленными как сами практики, так и суждения о них.

Двойственная природа социального пространства и социальных позиций

Главную задачу социологии Бурдьё видит в выявлении наиболее глубоко скрытых структур различных социальных сред, которые составляют социальный универсум, а также механизмов, служащих его воспроизводству и изменению. Особенность этого универсума заключается в том, что оформляющие его структуры «ведут двойную жизнь». Они существуют в двух ипостасях: во-первых, как «реальность первого порядка», данная через распределение материальных ресурсов и средств присвоения престижных в социальном плане благ и ценностей («виды капитала» по Бурдьё); во-вторых, как «реальность второго

порядка», существующая в представлениях, в схемах мышления и поведения, то есть как символическая матрица практической деятельности, поведения, мышления, эмоциональных оценок и суждений социальных агентов.

Бурдьё пишет: «Прежде всего социология представляет собой социальную топологию. Так, можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированных совокупностью действующих свойств в рассматриваемом универсуме, то есть, свойств, способных придавать его владельцу силу и власть в этом универсуме. Агенты и группы агентов, таким образом, определяются по их относительным позициям в этом пространстве. Каждый из них размещён в позиции и в классы, определённые по отношению к соседним позициям (то есть в определённой области данного пространства), и нельзя реально занимать две противоположных области в пространстве, даже если мысленно это возможно». [6]

Говоря о позиции агентов в пространстве, Пьер Бурдьё подчёркивает тот аспект, что социальное и физическое пространства невозможно рассматривать в «чистом виде»: только как социальное или только как физическое: «... Социальное деление, объективированное в физическом пространстве, функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура». [7]. Социальное пространство поэтому не есть некая «теоретически оформленная пустота», в которой обозначены координаты агентов, но воплотившаяся физически социальная классификация: агенты «занимают» определённое пространство, а дистанция между их позициями — это тоже не только социальное, но и физическое пространство.

Для того, чтобы понять, что же находится «между» агентами, занимающими различные позиции в социальном пространстве, нужно «отойти» от привычного рассмотрения «социального субъекта» и обратиться к тому, что делает позицию в пространстве не зависящей от конкретного индивида. Здесь следует ещё раз подчеркнуть употребление Бурдьё понятия «агент», отражающего в первую очередь такие качества индивида, как активность и способность действовать, быть носителем практик определённого сорта и осуществлять стратегии, направленные на сохранение или изменение своей позиции в социальном пространстве.

Следовательно, можно сказать, с одной стороны, что совокупность позиций в социальном пространстве (точнее, в каждом конкретном поле) конституируется практиками, а с другой стороны, — что практики есть то, что «находится» между агентами. Пространство практик, таким образом, так же объективно, как и пространство агентов. Социальное пространство как бы воссоединяет оба эти пространства — агентов и практик — при постоянном и активном их взаимодействии.

Таким образом, общество как «реальность первого порядка» рассматривается в аспекте социальной физики как внешняя объективная структура, узлы и сочленения которой могут наблюдаться, измеряться, «картографироваться». Субъективная же точка зрения на общество как на «реальность второго порядка» предполагает, что социальный мир является «контингентным и протяжённым во времени осуществлением деятельности уполномоченных социальных агентов, которые непрерывно конструируют социальный мир

через практическую организацию повседневной жизни» [8].

Говоря о социальном пространстве как «пространстве второго порядка», Бурдьё подчёркивает, что оно есть не только «реализация социального деления», понимаемого как совокупность позиций, но и пространство «видения этого деления»: vision и division, а также не только занятие определённой позиции в пространстве (поле) — position, но и выработка определённой (политической) позиции — prise de position. «Социальное пространство, таким образом, вписано одновременно в объективность пространственных структур и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур». [9]

Противопоставление объективизма и субъективизма, механицизма и целеполагания, структурной необходимости и индивидуальных действий является, согласно Бурдьё, ложным, поскольку эти пары терминов не столько противостоят, сколько дополняют друг друга в социальной практике. Преодолевая эту ложную антиномию, Бурдьё предлагает для анализа социальной реальности социальную праксеологию, которая объединяет структурный и конструктивистский (феноменологический) подходы. Так, с одной стороны, он дистанцируется от обыденных представлений с целью построить объективные структуры (пространство позиций) и установить распределение различных видов капитала, через которое конституируется внешняя необходимость, влияющая на взаимодействия и на представления агентов, занимающих данные позиции. С другой стороны — он вводит непосредственный опыт агентов с целью выявить категории перцепции и оценивания (диспозиции), которые «изнутри» структурируют поведение агента и его представления о занимаемой им позиции.

Конституирование социальных полей и их основные свойства

Социальное пространство включает в себя несколько полей, и агент может занимать позиции одновременно в нескольких из них (эти позиции находятся в отношении гомологии друг с другом). Поле, по Бурдьё, — это специфическая система объективных связей между различными позициями, находящимися в альянсе или в конфликте, в конкуренции или в кооперации, определяемыми социально и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают.

При синхронном рассмотрении поля представляют собой структурированные пространства позиций, которые и определяют основные свойства полей. Анализируя такие различные поля, как например, поле политики, поле экономики, поле религии, Пьер Бурдьё обнаруживает инвариантные закономерности их конституирования и функционирования: автономизация, определение «ставок» игры и специфических интересов, которые несводимы к «ставкам» и интересам, свойственным другим полям, борьба за установление внутреннего деления поля на классы позиций (доминирующие и доминируемые) и социальные представления о легитимности именно этого деления и так далее. Каждая

категория интересов содержит в себе индифферентность к другим интересам, к другим инвестициям капитала, которые будут оцениваться в другом поле как лишённые смысла. Для того, чтобы поле функционировало, необходимо, чтобы ставки в игре и сами люди были готовы играть в эту игру, имели бы габитус, включающий знание и признание законов, присущих игре.

Структура поля есть состояние соотношения сил между агентами или институциями, вовлечёнными в борьбу, где распределение специфического капитала, накопленного в течение предшествующей борьбы, управляет будущими стратегиями. Эта структура, которая представлена, в принципе, стратегиями, направленными на её трансформацию, сама поставлена на карту: поле есть место борьбы, имеющее ставкой монополию легитимного насилия, которая характеризует рассматриваемое поле, то есть в итоге сохранение или изменение распределения специфического капитала.

Пьер Бурдьё даёт ответ на часто встречающийся вопрос о связи и отличии «поля» и «аппарата» в смысле Альтюссера или «системы» у Лумана. Подчёркивая существенность отличия «поля» от «аппарата», автор настаивает на двух аспектах: историзм и борьба. «Я настроен очень против аппарата, который для меня является троянским конём худшего функционализма: аппарат — это адская машина, запрограммированная на достижение определённых целей. Система образования, государство, церковь, политические партии, профсоюзы — это, не аппараты, а поля. В поле агенты и институции борются в соответствии с закономерностями и правилами, сформулированными в этом пространстве игры (и, в некоторых ситуациях, борются за сами эти правила) с различной силой и поэтому различна вероятность успеха, чтобы овладеть специфическими выгодами, являющимися целями в данной игре. Доминирующие в данном поле находятся в позиции, когда они могут заставить его функционировать в свою пользу, но должны всегда рассчитывать на сопротивление, встречные требования, претензии, «политические» или нет, тех, кто находится в подчинённой позиции». [10]

Конечно, в некоторых исторических условиях, которые должны быть изучены эмпирически, поле может начать функционировать как аппарат: тоталитарные институции (ссылка, тюрьма, концентрационный лагерь) или диктаторские государства сделали массу попыток, чтобы добиться этого. Таким образом, аппараты представляют предельный случай, нечто, что можно рассматривать как патологическое состояние поля.

Что же касается теории систем, здесь можно найти некоторое поверхностное сходство с теорией полей. Можно было бы легко перевести концепты «самореферентности» или «самоорганизации» как то, что П. Бурдьё понимает под понятием автономии; в этих двух случаях действительно процесс дифференциации и автономизации играет главную роль. Но различия между этими двумя теориями, тем не менее радикальны. В первую очередь, понятие поля исключает функционализм и органицизм: поскольку продукты данного поля могут быть систематическими не будучи продуктами системы и, в частности, той, которая характеризуется общими функциями, внутренней связностью. Если верно то, что можно рассматривать входящие в пространство возможного занятые позиции как систему, то тем не менее они формируют систему различий, разграничительные и антагонистические различия, развивающиеся не в соответствии с их собственным внутренним движением

(как подразумевает принцип самореферентности), а через внутренние конфликты с полем производства. Поле есть место отношений сил — а не только смысла — и борьбы, направленной на трансформацию этих отношений и, как следствие, это место непрерывного изменения. Связность, которую можно наблюдать в определённом состоянии поля, её внешнее проявление как ориентации на какую-то одну определённую функцию (например, в случае *Grandes Ecoles* во Франции — воспроизводство структуры поля власти) являются продуктами конфликта и конкуренции, а не имманентного структуре некоего саморазвития.

Другим важным отличием является то, что поле не имеет частей, составляющих. Каждое субполе имеет свою собственную логику, свои правила, свои специфические закономерности, и каждый этап деления поля вызывает настоящий качественный скачок (как, например, когда переходят от уровня поля политики в целом к субполю международной политики государства). Каждое поле конституирует потенциально открытое пространство игры, ограничения которого есть динамические границы, являющиеся ставками в борьбе внутри самого этого поля. Иначе говоря, для более полного понимания, что разделяет концепты «поле» и «система», нужно рассматривать их в действии и сравнивать их, исходя из произведённых ими эмпирических объектов.

В своей теории экономики полей Бурдьё отмечает необходимость всякий раз идентифицировать те специфические формы, в которых проявляются в различных полях наиболее общие концепты и механизмы (капитал, инвестирование, интерес и др.) — и избегать, таким образом, какого бы то ни было редукционизма, но, особенно, редукционизма экономического, признающего лишь материальные интересы и стремление максимизировать денежную выгоду.

Вопрос о политическом и анализ поля ПОЛИТИКИ

Собранные в данной книге работы Бурдьё, касающиеся его анализа политики, отвечают не сиюминутному запросу оценить расстановку политических сил, но фундаментальной потребности получить социологический инструмент анализа политики как специфической социальной реальности. Бурдьё изучает не партии и политические течения или реальных политиков — этого читатель не найдёт в книге, — но социальный механизм формирования политических партий и политических мнений, одним из которых является делегирование. Он рассматривает поле политики как рынок, в котором существуют производство, спрос и предложение продукта особого сорта — политических партий, программ, мнений, позиций. Применяя общую концепцию строения и функционирования социального поля, Пьер Бурдьё последовательно рассматривает специфические принципы распределения в поле политики доминирующих и доминируемых позиций, власти, а также механизмов легитимного насилия и навязывания определённого видения распределения политических сил и — более широко — деления социального пространства.

Как социолог Бурдьё регулярно обращался к исследованию политических сюжетов, что следует также из работ, публикуемых в данной книге — они датируются разными годами, но как гражданин он всегда сторонился политики и никогда не вступал ни в одну партию. Однако в последнее время, особенно после войны в Персидском заливе, Бурдьё стал выступать за активную роль социолога в политическом процессе, за то, что необходимо анализировать и развенчивать современную нам политику, не оставляя область производства политического продукта на одних лишь политиков, чтобы избежать символического, да и прямого манипулирования, навязывания определённых (доминирующих) точек зрения.

«Всё происходит так, — пишет Бурдьё, — как если бы всё более и более неумолимая цензура научного мира, всё более и более озабоченная своей автономией (реальной или видимой), всё более и более жёстко навязывала себя исследователям, которые для того, чтобы заслужить звание учёного должны были убивать в себе политика, уступая тем самым утопическую функцию менее щепетильным и менее компетентным из собратьев, либо же политическим деятелям или журналистам». И добавляет: «... Я считаю, что ничто не оправдывает это сциентистское отречение, которое разрушает политические убеждения, и что настал момент, когда учёные совершенно полноправно обязаны вмешаться в политику... со всем авторитетом и правом, которое даёт принадлежность к автономному универсуму науки». [11] Бурдьё рассматривает поле политики совсем иным образом, чем это стало принято теперь в нашей прессе: то есть не как нечто данное объективно и независимо от нас, то на что мы можем реагировать каким-либо способом, но не можем изменить (в первую очередь потому, что этому [Перестройке, Ельцину, Рынку, Реформе и так далее] — «нет альтернативы»). Для него поле политики является условием и постоянно производящимся и институирующимся результатом политической практики.

В русле целостной концепции поля анализ борьбы, которую ведут агенты в поле политики, представляет собой также анализ сил, направленных на сохранение или изменение сложившейся социально-политической структуры и на легитимацию власти доминирующих в политическом поле. Бурдьё показывает, что основной ставкой в политической игре являются не только и даже не столько монополия использования объективированных ресурсов политической власти (финансов, права, армии и так далее), сколько монополия производства и распространения политических представлений и мнений: именно они обладают той «мобилизующей» силой, которая даёт жизнь политическим партиям и правящим группировкам.

Если рассматривать интегрированность агента в политическую практику как сознательную деятельность, то её нужно объяснять либо в терминах, описывающих сознание субъекта, либо в терминах политической позиции, то есть со стороны двух принципиально различных механизмов порождения актов политической практики. С одной стороны, часть политических действий субъекта обусловлена рефлексией, рациональными «проектами будущего» и так далее, а с другой — способностью спонтанно воспринимать, оценивать и действовать в рамках сложившихся социальных форм. Можно сказать, что, если политическая практика субъекта регулируется его сознанием, то политическая стратегия агента представляет собой реализацию необходимости, присущей политической ситуации. Политическая стратегия агента не является результатом сознательного стремления на

основе знания, но вместе с тем она и не продукт внешнего принуждения: было бы неверно редуцировать субъективность агента только к интериоризованной форме отношений поля политики или к легитимному насилию. Однако для того, чтобы агент, объективируя свою субъективность в политическом действии, мог добиваться результатов, он должен располагать определёнными капиталами — специфическими знаниями и навыками, признанным статусом, «авторитетом», связями и так далее.

Согласно Бурдьё, исследование поля политики с необходимостью должно включать рассмотрение условий доступа к политической практике и её осуществлению. Поле политики оформляется различиями активных характеристик агентов, которые придают их обладателям власть в поле (способность действовать эффективно) и являются, собственно, видами власти в этом поле. Каждая политическая позиция описывается специфическими сочетаниями этих характеристик, определена отношениями с другими позициями. Все в поле политики — позиции, агенты, институты, программные заявления, комментарии, манифестации и так далее — может быть понято исключительно через соотнесение, сравнение и противопоставление, через анализ борьбы за переопределение правил внутреннего деления поля.

Заканчивая это краткое введение, хочется привести слова Бурдьё, обращённые к социологам:

«... Я хотел бы, чтобы социологи были всегда и во всём на высоте той огромной исторической ответственности, которая выпала на их долю, и чтобы они всегда привлекали в своих действиях не только свой моральный авторитет, но и свою интеллектуальную компетенцию. Вслед за Карлом Краусом я хочу сказать, что «отказываюсь выбирать из двух зол меньшее». И если я полностью отказываюсь прощать грехи «безответственности» интеллектуалам, то в ещё меньшей степени я склонен это делать в отношении «ответственных» интеллектуалов, «полиморфных» и «полиграфных», которые в перерыве между двумя административными советами, тремя коктейлями с участием прессы и несколькими появлениями на телевидении выдают каждый год по новой публикации» [12].

Примечания

1 Bourdieu P. *Choses dites*. Paris: Minuit, 1987. — p. 61.

2 Ibid. — p. 75–76.

3 Интервью с Пьером Бурдьё, опубликованное в газете «Monde», 14 января 1992 года.

4 Bourdieu P. *Choses dites*. Paris: Minuit, 1987. — p. 19.

5 Bourdieu P., Passeron J.-C. *La Reproduction*. Paris: Minuit, 1971. — p. 50.

6 См. в данной книге раздел: Социальное пространство и генезис «классов».

7 См. в данной книге раздел: «Физическое и социальное пространства».

8 Bourdieu P. Choses dites. Paris: Minuit, 1987. — p. 113.

9 См. в данной книге раздел: «Физическое и социальное пространства».

10 Bourdieu P (avec Loic J. D. Wacquant). Reponses. Paris: Seuil, 1992. — p. 78.

11 См. в данной книге раздел: «Политический монополизм и символические революции».

12 Интервью с Пьером Бурдьё, опубликованное в газете «Monde», 14 января 1992 года.

Шматко Наталья.

«Социальное пространство» Пьера Бурдьё

2005

Понятие социального пространства, хотя и является центральным по важности в концепции генетического структурализма, не есть «чисто» социологическое понятие. Визуализация различных частных случаев «социального пространства» в многочисленных работах П. Бурдьё представляет собой попытку формализовать и операционализировать это понятие и на этой основе построить целостный подход к исследованию социальной действительности. Это склоняет некоторых социологов рассматривать любое множество социальных явлений как специфическое «пространство». На самом же деле «социальное пространство библиотек» или «социальное пространство этносов» являются всего лишь самым общим (и потому формальным и пустым) определением «социального пространства», объединяемым с более или менее произвольным и обоснованным убеждением социолога, что данное определение применимо к его исследованию.

Таким образом, можно указать на «социальное пространство» в расплывчатом спонтанном понимании, присущем социологическому обиходу, и на «социальное пространство» в том узком, но строго определённом концептуальном смысле, который весьма далёк от простого воспроизводства школьного курса геометрии и базовых интуиции социальной философии. Несомненно, что исходным пунктом и основным мотивом развития «социального пространства» на этапе становления генетического структурализма были не до конца определённые, полуинтуитивные представления. Однако «героический» период развития завершился, и пришло время представить понятие «социальное пространство» в более совершенной рефлексивной форме. Именно этому и посвящена настоящая работа.

Социологи традиционно пользовались абстрактными базовыми понятиями. Этот заимствованный из философии приём даёт возможность строить удобные модели, с удовлетворительной точностью описывающие те или иные социальные явления. Именно эмпирическая адекватность служит оправданием этого метода, являющегося главным и самым мощным инструментом социальной науки. С развитием социологии накапливается множество более или менее абстрактных понятий, описывающих все новые и новые

регулярности социальной действительности, которое, начиная с определённого этапа, достигает критического уровня сложности. Разрешение же такого кризиса требует пересмотра базовых концептов, снимающего схоластический характер накопленных абстракций, раскрывающего их действительное содержание.

Что такое «социальное пространство»?

Можно указать на две принципиально различающиеся теоретические позиции относительно пространства: субстанциальную и реляционную. Субстанциализм, который в Новое время представлен прежде всего Р. Декартом, интерпретирует пространство в качестве сущности телесной субстанции.

«Пространство... — читаем мы в «Первоначалах философии» — разнится от телесной субстанции, заключённой в этом пространстве, лишь в нашем мышлении. И действительно, протяжение... составляющее пространство, составляет и тело...» [1]. Однако в варианте субстанциализма, представленном в натурфилософии И. Ньютона, пространство определяется уже как самостоятельная сущность, существующая наряду с материей и независимо от неё. В соответствии с этим представлением в субстанциализме взаимосвязь между пространством и материей изображалась как внешнее отношение между двумя самостоятельными видами субстанций, откуда следовало заключение о независимости пространства от реализующихся в нём материальных процессов.

С реляционной точки зрения пространство рассматривается не как самостоятельная сущность, а как порядок отношений, образуемых взаимодействующими объектами, причём вне этой системы взаимодействий пространство не существует. Так, согласно Г. В. Лейбницу, монады представляют собой субстанции, то есть вещи сами по себе. Он утверждал, что пространства, каким оно дано чувствам и каким его изучает физика, не существует, поскольку оно состоит из возможностей и не содержит ничего актуального. Однако существует порядок расположения монад соответственно точке зрения, с которой они отражают мир. Каждая монада воспринимает мир в своей, лишь ей присущей перспективе, и в этом смысле можно говорить о пространственном положении монад. Таким образом, пространство, по Лейбницу, есть свойство вещей самих по себе. Реляционная трактовка пространства, определяемого в каждый момент конфигурацией сил, сводит его к порядку возможного сосуществования монад. Для реляционизма пространство служит общей формой координации объектов и их состояний, откуда следует зависимость свойств пространства от характера взаимодействия объектов.

В социологии П. Бурдьё понятие «социальное пространство» представляет собой форму, выражающую определённые отношения, которые проявляются как способы координации между состояниями предметов исследования. Содержанием данной формы выступают изучаемые социальные явления и процессы, характер которых и определяет основные свойства социального пространства. Это означает, что не существует некоего абсолютного социального пространства, постулируемого субстанциализмом в качестве самостоятельной, независимой от эмпирической социальной действительности формы бытия. «Социальное пространство» конструируется каждый раз как (зависящая от целей и средств

исследования) форма выражения и обобщения имеющейся в распоряжении социолога эмпирической информации. Оно в каждом конкретном случае может быть и одномерным, и многомерным пространством с любым числом измерений, поскольку используется для описания взаимосвязей различного рода социологических величин, характеризующих социальные явления. В социологии П. Бурдьё «социальное пространство» есть, прежде всего, структура социальных позиций.

Однако речь не идёт о просто ещё одной субъективистской трактовке. Конструирование социального пространства на основе экспериментальных данных не означает его произвольности или тождественности геометрическому представлению. Недостаточно определить некую систему координат для предмета исследования, чтобы назвать такое представление «социальным пространством». Необходимым условием действительного конструирования выступает релевантность и существенность свойств, на базе которых его построили, для тех предметов исследования, которые описывает социальное пространство как пространство сил. Иными словами, нельзя взять произвольные показатели, чья релевантность и валидность не доказаны, провести над ними некие формальные преобразования и называть полученную «картинку» «социальным пространством». Подобная геометризация, чаще всего некритически воспринимаемых результатов опросов общественного мнения и демографических показателей, ничего не прибавляет к нашим научным знаниям о социальной действительности, создавая лишь обманчивую видимость учёности. Когда структуры, конституирующие социальное пространство, редуцируются к внешней соотнесённости предметов социологического исследования по какому-либо произвольному основанию, пространство лишается своей силовой природы и превращается в простой визуальный образ конфигурации объектов социальной действительности.

П. Бурдьё постулирует актуальное существование «социального пространства», элементы которого он называет «позициями». Основанием для такого постулирования является эпистемологический принцип доступности научному познанию только таких сущностей социальной действительности, которые тем или иным способом взаимодействуют друг с другом и с познающим субъектом. Предполагается, что социальное пространство, понимаемое как структура позиций, обеспечивает всеобщую действительную (а не только мыслимую социологом) взаимосвязь предметов социологического познания и является той минимально необходимой системой отношений, без которой данное познание невозможно.

Далее, П. Бурдьё утверждает дискретность и принципиальную неделимость социальных отношений, отсутствие у них какой-либо внутренней структуры. Главным свойством социального отношения является то, что оно выступает необходимым условием практик, представлений или непосредственных взаимодействий индивидуальных и коллективных агентов. На уровне феноменов социальное отношение проявляет себя либо как распределение условий социального действия, либо, в аспекте практик и представлений, как сила. По сути, именно силы учреждают социальное пространство, а потому оно не является пассивнымместилищем предметов социологического познания, но само активно изменяется. Мы можем получать содержательную информацию о движении социального пространства, исследуя форму распределения (как материальных, так и идеальных) предпосылок и условий практик и представлений.

П. Бурдьё представляет устанавливаемый социологией социальный мир в виде социального пространства, сконструированного, исходя из принципов деления и распределения совокупности активных свойств (индивидуальных и коллективных) агентов. Речь идёт о свойствах, способных придавать агентам силу и власть, понимаемую в самом общем виде — как способность добиваться результатов. Макропеременные, обобщающие исходные социологические величины — активные свойства, положенные в основу построения социального пространства, — П. Бурдьё называет «капиталами». Капитал даёт власть распоряжаться продуктом деятельности, в котором опредмечены прошлые практики (в частности — над совокупностью средств производства), а также механизмами производства определённой продукции, и через это — власть над (материальными и символическими) доходами и прибылью от производства.

Поскольку капитал есть возможность распоряжаться необходимыми условиями и предпосылками практик, он есть в то же время силовая структура — структура господства и власти над другими агентами. Тот или иной капитал агента является мерой силы соответствующего вида, то есть власти, которой наделён агент, а также мерой влияния, которое оказывает на него самого эта сила. Например, административный капитал агента иная мера его административной власти в поле науки, а также мера воздействия на него административной структуры. Так, чем больше его административный капитал, тем больше его власть над распределением ресурсов и воспроизводством корпуса учёных, но и тем более он подвержен действию изменений баланса административных сил в поле науки. Читателям старшего поколения памятно, наверное, грозные академики секции общественных наук АН СССР, в одночасье потерявшие всю полноту власти в годы «перестройки» системы управления.

Позиция каждого агента в социальном пространстве определяется объёмом и структурой его капиталов, то есть структурой сил. Знание пространства позиций позволяет сконструировать «классы на бумаге» — совокупности агентов, которые помещены в близкие социальные условия и подчинены сходным детерминациям, обладают с большой вероятностью похожими диспозициями и интересами и, следовательно, производят сходные практики.

По Бурдьё, «построить социальное пространство, эту невидимую реальность, которую нельзя ни показать, ни потрогать пальцами и которая организует практики и представления агентов, значит одновременно дать себе возможность построить теоретические классы, однородные настолько, насколько это возможно... Введённый здесь принцип классификации носит действительно объяснительный характер: он не довольствуется описанием ансамбля классифицированных реальностей, но, как и хорошая естественно-научная таксономия, она [классификация] привязывается к детерминирующим свойствам, которые, в противоположность различиям, проявляющимся при плохой классификации, позволяют предсказать другие свойства, они разводят и объединяют агентов сходных, насколько это возможно, между собой и отличающихся, насколько это возможно, от членов других классов, соседних или отдалённых» [2, с. 25].

С известной долей условности можно утверждать, что в генетическом структурализме единственным по-настоящему самостоятельно изменяющимся предметом социологического

исследования служит социальное пространство, поскольку оно выступает как ансамбль структур, обуславливающих социальные явления. Все остальные социологические предметы лишь взаимодействуют друг с другом при его посредстве, соответственно изменяя своё положение в системе социальных позиций. Следует подчеркнуть, что социальное пространство не является всего лишь конфигурационным пространством интегрированных в него индивидуальных или коллективных агентов. Оно имеет силовую природу и потому не может быть построено произвольно, без измерения устанавливающих его сил. Описывая социальное пространство, П. Бурдьё понимает его «... как поле сил, необходимость которых навязывается агентам, вовлечённым в данное поле, и как поле борьбы, внутри которого агенты противостоят друг другу со своими средствами и целями, различающимися в зависимости от их позиции в структуре поля сил, участвующих таким образом в сохранении или трансформации структуры этих позиций» [2, с. 55].

Сила

Несомненно, возможно проследить концептуальные связи между «силой» у П. Бурдьё и использованием этого понятия в философской традиции Нового времени. Эта связь становится тем более очевидна, если принять во внимание его базовое философское образование и интеллектуальную атмосферу 1950-х годов, в которой он сформировался как исследователь. Речь идёт, в первую очередь, об активной рецепции французскими интеллектуалами философии М. Хайдеггера, содержащей новаторскую интерпретацию всей новейшей философии (с акцентом на Р. Декарта, Г. В. Лейбница, Г. В. Ф. Гегеля и Ф. Ницше), которая была подхвачена Р. Кено, Ж. Делёзом, Ф. Фейде, Ф. Везенном, М. Фуко, Ж. Деррида и другими. Эта рецепция «наложилась» на начавшееся ещё до Второй мировой войны активное обращение французских интеллектуалов (Ж.-П. Сартр, А. Кожев, Ж. Батай, П. Клодье, М. Бланшо и другие) к феноменологии Э. Гуссерля и Г. В. Ф. Гегеля. Не вдаваясь в детальное исследование в духе «истории идей», отметим лишь наиболее важные пункты философии Нового времени, существенные для понимания концептуальных построений П. Бурдьё.

Известно, что Р. Декарт объяснял законы движения лишь посредством количества материи и скорости, в то время как Г. В. Лейбниц боролся со сведением материи к протяжённости. Он указывал на ошибочность картезианских построений, поскольку «в телесных вещах есть нечто, кроме протяжённости, и даже предшествующее протяжённости, а именно сама сила... которая состоит не в простой способности... но помимо того снабжена направленностью, или устремлением, получающим полное осуществление, если оно не встречает препятствия в противоположном устремлении» [3]. По Г. В. Лейбницу, «природа тела не состоит в одной лишь протяжённости», вследствие чего — и здесь главное отличие от Р. Декарта — пространство утрачивает значение субстанции, а становится соотношением сил [4].

Исходным для традиции Нового времени послужило представление Г. В. Лейбница о силе как ближайшей причине изменений или возможности действия, которая есть «нечто отличное от величины, фигуры и движения» [5]. В опубликованной в 1695 году «Новой системе природы и общения между субстанциями...» он утверждал, что природа

субстанциальных форм «состоит в силе» [6], что даёт возможность объяснять изменения в субстанциях [там же. — с. 280]. В более поздней «Монадологии» субстанция идентифицируется с субъектом, а сама субъективность предстаёт как деятельность, чьё существование определяется силой [vis] [7], так что «действовать» означает «проявлять силу». Вся история метафизики Нового времени, согласно М. Хайдеггеру, разворачивается из деятельностной интерпретации картезианского cogitatio [мышления] и монадологической интерпретации субстанции: «Каждый subjectum [субъект] определён в своём esse [существовании] как vis [сила] Только так res cogitans [мыслящая вещь] приобретает тот объём, благодаря которому она царствует над всем реальным» [8].

Г. В. Ф. Гегель в «Феноменологии духа» рассматривает силу как то, что учреждает и единство, и самостоятельность различий, относящихся к целому: «... Самостоятельно установленные [материи] переходят непосредственно в своё единство, а их единство непосредственно переходит в развёртывание, и это последнее в свою очередь — назад, в сведение... Это движение и есть то, что называется силой: один момент её, а именно сила как распространение самостоятельных материй в их бытии, есть её внешнее проявление; она же как исчезаемость (Verschwundensein) их есть сила, оттеснённая из своего внешнего проявления обратно в себя, или сила в собственном смысле» [9, с. 73].

Иными словами, посредством силы реализуется нераздельное единство предмета, обнимающего множественные и самостоятельные части. Отдельные моменты силы различаются лишь в понятии силы, а в реальности силы не должно быть различий: они присутствуют лишь в мысли. «Но на самом деле сила есть безусловно-всеобщее, которое в себе самом есть то же, что и для иного, или которое имеет в себе различие, ибо различие есть не что иное, как бытие для иного... Сила должна быть... установлена как субстанция этих различий, — это значит... должны быть установлены её различия как субстанциальные или как для себя устойчиво существующие моменты. Сила как таковая... есть, следовательно, для себя в качестве некоторого исключаящего "одного", для которого развёртывание материй есть некоторая другая устойчиво существующая сущность; и таким образом установлены две различённые самостоятельные стороны. Но сила есть также целое, другими словами, она остаётся тем, что она есть по своему понятию, то есть эти различия остаются чистыми формами, поверхностными исчезающими моментами» [там же].

Речь идёт о различиях между силой как целым и развёртыванием самостоятельных частей. Данные различия имеют устойчивое существование, то есть сила существует противоположным образом: и как одно, и как множество, и оба эти момента самостоятельны. «Следовательно, мы должны рассмотреть именно это движение обоих моментов, заключающееся в том, что они постоянно делают себя самостоятельными и вновь себя снимают» [там же. — с. 74]. Движение, результатом которого выступает само» уничтожение противоречащих понятий силы, обладает предметной формой, и вместе с тем оно есть непредметное вещей.

Итак, субстанциализированная крайность силы устанавливается как определённость «одного». Это исключает из силы устойчивое существование частей, то есть множественность, выступающую как иное «одного». Однако необходимо, чтобы сама сила была данным устойчивым существованием, чтобы она включала в себя это иное. Сила

существует как среда развёрнутых объектов, будучи по существу «одним». То есть сила есть и различённое множество предметов, и нечто иное: «... Бытие одним исчезает в том виде, в каком оно явилось, а именно как нечто другое То, что выступает в качестве иного и что возбуждает силу как к внешнему проявлению, так и к возвращению в себя самое, есть сама сила. Игра обеих сил состоит... в том, что они определены противоположным образом и существуют в этом определении друг для друга, а также в том, что происходит абсолютный, непосредственный обмен определениями... Сами различия выступают в двойном различии: во-первых, как различия содержания, когда одна крайность есть рефлексированная в себя сила, а другая есть среда материй; во-вторых, как различия формы, когда одна крайность есть то, что возбуждает, а другая — то, что возбуждается... Со стороны содержания они различны вообще или для нас; со стороны же различия формы они самостоятельны, в своём соотношении отделяясь друг от друга и противопоставляясь друг другу» [там же. — с. 75–76].

Важно отметить, что для Г. В. Ф. Гегеля у сил нет собственных субстанций, выступающих их носителями и сохраняющими их: сила всегда различие между чем-то и его иным. Сила — отрицательное единство в определении непосредственно существующего нечто (см. [10, с. 158–159.]).

Однако сила не является формой этого сущего, то есть сущее не определяется силой и безразлично к ней. Другими словами, вещь не обладает какой-то силой, но, напротив, сила имеет вещь своей предпосылкой, то есть сила внешне связана с вещью, она «спокойная определённая вещь» [там же. — с. 159]. Но сила заключает в себе непосредственное существование лишь как момент, как преходящее. Она есть «отрицательное единство, рефлектирующее себя в себя», так что вещь для неё не имеет никакого значения; напротив, сила есть «полагание внешнего, являющего себя как существование» [там же]. Иными словами, хотя сила и содержит в себе момент «сущей непосредственности», она определяется через отрицательное единство. Это единство в определении непосредственного бытия есть «существующее нечто», причём данное «нечто» являет себя как «первое». Деятельно отталкиваясь от этого «первого», сила приобретает собственное значение, достигая относительной самостоятельности, когда носитель ей уже не нужен. В качестве определения единства целостного предмета сила «положена как то, что само т себя становится существующим внешним многообразием» [там же. — с. 160]. Сила внутренне противоречива, и при взаимоотношении рефлексий различного типа, где внешняя рефлексия сама выступает силой, сила обнаруживает себя в своём инобытии. Силу можно описать как момент бытия, обнаруживающий себя во взаимодействии с другой силой.

Не углубляясь в гегелевскую спекулятивную философию, резюмируем те её существенные выводы, которые обусловили, в основных чертах, использование понятия «сила» Н. Элиасом и М. Фуко (у последнего — посредством интерпретаций А. Кожева и Ж. Ипполита), оказавшим, в свою очередь, значительное влияние на П. Бурдьё. Итак, сила есть момент сущего, а сущее является условием проявления силы. То есть сила и сущее не образуют тождества. Проявление силы происходит вследствие внутреннего противоречия. Следовательно, источник движения силы в ней самой, поэтому она деятельна. Итак, в позитивном смысле сила есть то, что определяет единство многообразных частей предмета. Она представляет собой отношение противоположностей, которое проявляется как ансамбль различий внутри некоторого содержательного единства. Непрерывное развитие

выводит на первый план видение социальной действительности в терминах силы. Субстанциальность становится функцией силы.

Социальное пространство есть силы в их соотношениях. Однако сила не имеет самостоятельности, а всегда обозначает свойства социальной структуры. Отсюда следуют методологические требования, которых П. Бурдьё придерживался при исследовании различных полей, даже если эти требования не формулировались явно:

1. Поле (как автономная часть социального пространства) конституируется специфической силой (или силами). Именно эта сила обеспечивает целостность поля как предмета исследования.
2. Отношения силы проявляются всякий раз как распределение соответствующего ей капитала или активных свойств (то есть свойств, придающих их обладателю специфическую власть и влияние). Множество различий активных свойств, присущих индивидуальным и коллективным агентам, есть непосредственное проявление конфигурации силы, конституирующей данное поле.
3. Структура позиций есть структура «источников» силы. Распределение капиталов между позициями характеризует «силовой баланс» (Н. Элиас), сложившийся в поле.

В текстах П. Бурдьё часто встречается противопоставление силовых и смысловых отношений, восходящее к М. Веберу, который, в свою очередь, воспринял его из неокантианства. Напомним, что Р. Декарт различал протяжённую (или материальную) субстанцию, свойства которой сводились к причинно-следственным отношениям, и мыслящую (или духовную) субстанцию, чьи характеристики полностью исчерпывались телеологическими отношениями. Каждая из двух субстанций предполагала свой, особый способ объяснения: если в случае протяжённой субстанции речь шла об объяснении явлений через предшествующие действующие причины, то мыслящей субстанции соответствовало объяснение через целевые, или конечные, причины.

Противоречие между каузальными и телеологическими отношениями особо ярко выражены в учении И. Канта, где природа, понимаемая как замкнутый универсум причин и следствий, абсолютно противопоставляется сфере нравственных целей (то есть целенаправленности, целесообразности человеческих действий), хотя им и предпринималась попытка объединить противоположности [11]. Поскольку материальная и духовная субстанции соотносятся друг с другом как «внешнее с внешним», то сохраняется несводимое различие между причинно-следственными отношениями, называемыми также силовыми, и отношениями целесообразности, именуемыми смысловыми.

Согласно неокантианскому подходу, причинно-следственные, или силовые, отношения изучают с помощью «номотетического» метода, а телеологические, или смысловые, отношения — с помощью «идеографического» метода. Если «номотетический» метод даёт каузальное познание общих связей действительности, то «идеографический» раскрывает «ценностные идеи» («смыслы» [12]) связей индивидуальных. Противопоставляя «идеографический» и «номотетический» методы, неокантианцы тем не менее не

отрывали их друг от друга абсолютно, стараясь «... лишь обозначить полярные, служащие для ориентирования пункты, посередине между которыми имеет место методическая работа многочисленных наук» [13]. Применительно к социальным исследованиям это выглядело так, что в начале XX века приверженцы «материалистического понимания истории» изучали преимущественно силовые (по большей части экономические) отношения, а индивидуальные явления в сфере духа трактовались «идеалистами» в концептуальной рамке смысловых отношений [14].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что «силу» или «силовые отношения» надо понимать как объективную социальную структуру, а «смысловые отношения» принадлежат региону субъективных социальных явлений.

Двойное структурирование социальной действительности

Одной из основ социологии П. Бурдьё является концепция «двойного структурирования». Её суть заключается в том, что социальная действительность структурирована, во-первых, со стороны (существующих объективно, то есть независимо от сознания и воли агентов) социальных отношений, которые объективированы в распределениях разнообразных капиталов как материального, так и нематериального характера, и, во-вторых, со стороны представлений людей о социальных структурах и об окружающем мире в целом, оказывающих обратное воздействие на первичное структурирование.

Концепция двойного структурирования включает в себя комплекс представлений, отражающих генезис и структуру социальной действительности. То, что относится к генезису, есть установление причинноследственных связей в социальной действительности: существуют объективные (не зависящие от воли и сознания людей) структуры, которые решающим образом воздействуют на практики, восприятие и мышление индивидов; именно социальные структуры являются «конечными причинами» практик и представлений индивидуальных и коллективных агентов, которые эти структуры могут подавлять или стимулировать. С другой стороны, агентам имманентно присуща активность, они являются источниками непрерывных причинных воздействий на социальную действительность. Итак, социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, но агенты производят практики и тем самым воспроизводят или преобразуют структуры. Указанные два аспекта генезиса социальной действительности для П. Бурдьё отнюдь не равнозначны и не рядоположены. Он не ограничивается констатацией того, что оба эти аспекта находятся в «диалектической связи», но указывает на их иерархию. Обусловленность практик и представлений агентов социальными структурами реализуется через их производство и воспроизводство этими агентами. В силу того, что они не могут осуществлять свои практики вне и независимо от предпосланных им социальных структур, являющихся необходимыми условиями и предпосылками любых практик, агенты оказываются в состоянии действовать исключительно «внутри» уже существующих социальных отношений и тем самым всегда лишь репродуцировать или трансформировать их. Говоря об активной роли агентов в

воспроизводстве/производстве социальной действительности, П. Бурдьё подчёркивает, что оно невозможно без инкорпорированных структур— практических схем, являющихся продуктом интериоризации объективных социальных структур. Отсюда следует, что субъективное структурирование социальной действительности есть подчинённый момент структурирования объективного.

Второй аспект двойного структурирования социальной действительности — структурный. Он состоит в том, что все в социальной действительности структурировано. Во-первых, социальные отношения неравномерно распределены в пространстве и во времени. Во-вторых, агенты неравномерно распределены между социальными структурами — не все (индивидуальные и коллективные) агенты и не в одно и то же время принимают участие в одних и тех же социальных отношениях. В-третьих, объективации социальных отношений, которые П. Бурдьё называет капиталами, также неравномерно распределены между (индивидуальными и коллективными) агентами. В-четвёртых, инкорпорированные социальные отношения, к каковым относятся: диспозиции, социальные представления, практические схемы, — распределены крайне неравномерно. Агенты, исходя из своих практических схем (то есть интериоризированных социальных отношений), по-разному структурируют социальную действительность. Структура субъективного структурирования, проявляющаяся через распределение различных видов этого структурирования между агентами, гомологична структуре объективного структурирования, поскольку решающую роль в субъективном структурировании играют интериоризированные объективные структуры: практические схемы адаптируются к позиции агента уже хотя бы в силу того, что их содержание обусловлено предшествующей социальной борьбой и потому пусть в превращённой форме, но отражает конфигурацию социальных сил.

Утверждение П. Бурдьё о том, что все социальные отношения в свою очередь структурированы, приводит его к формированию понятия «поле», понимаемого как относительно замкнутая и автономная система социальных отношений. Поле возникает как следствие прогрессирующего общественного разделения сил.

Социальное пространство и поле

В самом общем смысле, в генетическом структурализме «поле» представляет собой относительно автономную и замкнутую систему социальных явлений, на базе которой может быть сконструирован самостоятельный целостный предмет исследования социальной науки.

Поле — это подпространство социального пространства, определяемое специфической силой — ансамблем различий активных свойств, обуславливающих его специфику, его отличие от любого другого подпространства. Поле есть специфическая система отношений между различными позициями, структурно обусловленными и в большой степени не зависящими от физического существования индивидов, которые эти позиции занимают. Иными словами, при синхронном рассмотрении поле представляет собой структурированное пространство позиций. Поля характеризуются, в том числе, свойствами составляющих их позиций, которые могут быть исследованы независимо от характеристик занимающих их

индивидов. Агенты (индивидуальные или групповые) определяются в поле реляционно — их позициями, отличающимися друг от друга властью и влиянием, получаемой материальной и символической прибылью, ценой, которую надо заплатить, чтобы их занять, и так далее.

Итак, область социального пространства, где проявляют себя достоверно зарегистрированные и поддающиеся измерению силы, называется полем. Неотъемлемой характеристикой такой области служит её замкнутость или «самозаконность»: все объединённые в «силовое» поле явления подчиняются общим регулярностям, отличным от тех, что действуют в других полях. Это означает, что они обусловлены одними и теми же структурами и связаны общими взаимодействиями или практиками. В силу этого некорректно говорить, например, о «поле мнений»: во-первых, социальные представления как таковые не могут совершать действия или устанавливать силовые взаимодействия сами по себе, без социальных агентов, которые занимают заведомо различные социальные позиции; во-вторых, они не образуют содержательного субстанциального единства; в-третьих, в разных областях социального пространства представления агентов обусловлены разными структурами. Предполагать существование помимо силовых полей каких-либо других, имеющих несиловую природу, нет никаких теоретических или экспериментальных оснований. Далее, носителем силового поля может выступать исключительно социальный агент — единственный предмет социологического исследования, способный самостоятельно производить социальные действия, но никак не «мнение», «информация» или что-то в этом роде.

Например, поле науки проявляет себя во взаимодействии агентов, производящих легитимное научное знание, однако к непосредственным взаимодействиям не сводится. Поле науки проявляет себя силовым влиянием друг на друга агентов, обладающих некоторым свойством, называемым «научным капиталом». Природа «капиталов» в данном случае не выступает предметом специального изучения (предполагается, что это уже было сделано ранее, на предыдущих этапах исследования), однако их величины являются параметрами, задающими меру взаимодействия тех, кто обладает указанным свойством, то есть агентов поля науки. Сила взаимодействия индивидуальных и коллективных агентов поля пропорциональна их капиталам.

Понятие «поле» у П. Бурдьё не организуется вокруг какого-то одного общего принципа, а носит комплексный характер, то есть выступает единством отдельных принципов (капиталов и рынка, правил и ставок игры, дохода и прибыли и так далее). Чтобы синтезировать этот комплекс различных принципов в концептуальное единство, нужен тем не менее некий метапринцип. Таким метапринципом является иерархия доминирования в поле. Позиции и силы выражаются в различных иерархиях поля так, что одни структурно доминируют над другими. Это, в частности, означает, что там, где существует конфликт условий и предпосылок практик, присущих различным позициям, подчинённые вынуждены производить свои практики, исходя из условий и предпосылок, созданных доминирующими. Например, подчинённые осмысливают своё положение и социальную действительность в целом, используя социальные представления, произведённые доминирующими, поскольку других представлений у них попросту нет. Другими словами, результаты производства практик доминирующими позициями являются предпосылками и условиями производства практик для доминируемых позиций.

Весь понятийный аппарат генетического структурализма строится вокруг «социального пространства», «поля» и действующих в нём «сил». В отличие от множества других социологов, П. Бурдьё призывает изучать не субстанции — некие социальные «частицы» как элементарные объекты, а социальные отношения, описывающие структуру и всевозможные состояния полей.

Можно было бы предположить, что поле реально, что оно есть «последняя реальность», определяющая «метрику» социального пространства и структуру сил. Однако в генетическом структурализме основная функция поля заключается в изменении состояния социального пространства. Это изменение описывается (статистической) вероятностью, которая — в идеале — обеспечивает социологическое знание возможностей социальной действительности. Под этим углом зрения позволительно описывать экспериментальные ситуации в терминах полей, конструируя позиции с учётом действия социальных сил на основе знаний о состоянии социального пространства в целом. Но нельзя считать эти поля реальными и объективными в том же смысле, в каком реальны и объективны вещи природы.

Сила — это не собственность или владение чем-то, а практики. Конечно, практики как таковые не могут существовать вне определённых социальных условий, но в данном случае упор делается именно на действие. У силы нет ни других объектов, ни других субъектов, кроме других сил, и нет иного бытия, кроме социальных отношений. Всякая сила может быть истолкована как отношение господства — власти или влияния.

Социальные процессы, фиксируемые социологией как изменения состояния социального пространства, происходят под действием сил. «Поле» в генетическом структурализме есть, таким образом, вторичное понятие, а первичным является «сила».

Социальная действительность, то есть то, что существует до и помимо науки, может быть представлена с помощью бесчисленного множества социальных пространств, различающихся своим объёмом (совокупностью выражаемых в них явлений) и структурой. Одни и те же индивидуальные и коллективные агенты в социальных пространствах разного объёма и структуры будут располагаться по-разному. Понятно, что «академики» в социальном пространстве производства научных знаний располагаются принципиально иначе, нежели в социальном пространстве производства экономических благ. Это выглядит так, как если бы на них действовали «разнесённые» по пространству отклоняющие силы. Суть подхода П. Бурдьё в том, что социальное пространство как структура позиций определяется действующими в нём силами. Социальное пространство — это поле социальных отношений или сил, геометрическое изображение структур, принципиально отличающееся от всех непосредственных взаимодействий агентов, действующих на его фоне. Оно зависит от распределённых в нём социальных структур. Поскольку социальные структуры выступают необходимыми условиями производства любых практик и представлений, постольку в самих практиках они проявляются как силы, и мы можем утверждать, что социальное пространство задаётся действующими в нём силами.

Итак, структура социального пространства формально становится проявлением социальных структур, существующих в действительности. При этом приходится отказаться от представлений о поле как некой «размазанной» по социальному пространству «полевой

субстанции». Например, «поле литературы» — не пространственно распределённая совокупность «объективно данных» сущностей, а ансамбль отношений, проявляющихся в виде пространственной структуры, различной с точки зрения исследователей, занимающих разные позиции в социальном пространстве. Пространство, в котором действуют связанные с производством литературной продукции силы (а их ещё надо определить экспериментально!), и называется полем литературы. Фиксируемые феноменологически практики, представления и так далее агентов литературного производства описываются с помощью силового поля литературы. Поле вводится как вспомогательная конструкция, объясняющая эмпирические данные, которые нельзя объяснить лишь через непосредственные взаимодействия, но само по себе оно из эксперимента не следует. Поле описывается косвенно, через устойчивые инварианты практик и распределений их предпосылок и условий.

Далее, поле обладает единством в том смысле, что оно не поддаётся реальному разбиению на части. Поскольку отдельное поле заполняет область социального пространства, то в нём можно мысленно выделить позиции. Однако эти позиции нельзя интерпретировать как самостоятельно существующие социальные системы, как части, которые бы можно было отделить одну от другой. Каждое поле (и даже субполе) социального пространства едино и одно; меняются лишь различные состояния одного и того же поля. В силу того, что поле как ансамбль отношений нельзя разделить на части, для его описания невозможно корректно использовать субстанциальные понятия. Индивидуальные и коллективные агенты не могут считаться источниками поля, поскольку конституирующие его структуры предпосланы им как необходимые условия их практик.

Топология социальной действительности

Социология, по мнению П. Бурдьё, должна выявлять наиболее глубоко скрытые структуры различных «областей», из которых состоит социальная действительность, а также механизмы, служащие её воспроизводству и производству. Особенность социальной действительности заключается в том, что оформляющие её структуры ведут «двойную жизнь». Они существуют, во-первых, как «реальность первого порядка», данная через распределение объективированных условий и предпосылок практик, средств производства дефицитных благ и ценностей («виды капитала»), и, во-вторых, как «реальность второго порядка», существующая в социальных представлениях, в практических схемах, то есть как символическая матрица практик агентов. Это означает, что социальная действительность становится символической системой посредством свойств (социальных объектов) и их распределения, причём эта символическая система организована как система феноменов в соответствии с логикой различий и значимых различений.

Таким образом, социальная действительность как «реальность первого порядка» анализируется в аспекте «социальной физики» — как внешняя объективная структура, узлы и сочленения которой могут наблюдаться, измеряться, «картографироваться».

Субъективная же точка зрения на социальную действительность как на «реальность второго порядка» предполагает, что социология должна взять в качестве предмета и саму объективную реальность, и её восприятие, включая все возможные перспективы и точки зрения, которые есть у агентов относительно этой реальности в зависимости от их позиции в социальном пространстве.

«Социальное пространство» есть концептуальное выражение тезиса П. Бурдьё о том, что социология в первую очередь есть социальная топология [15]. Вопрос о топологической структуре социальной действительности становится вопросом о «здесь-бытии» социальных феноменов, о пространстве отношений, определяющем событие социологической истины. Однако «социологическое большинство» всё ещё слишком привязано к представлению о социальном пространстве как о чём-то пустом и принципиально отличном от самой социальной действительности. Но, быть может, социальное пространство есть оптимальный способ социологического выражения социальных структур?

Примечания

1 Декарт Р. Первоначала философии. / Перевод с латинского С. Я. Шейнман-Топштейн, перевод с французского Н. Н. Сретенского. // Декарт Р. Сочинения: в 2 томах. / Редактор и составитель, автор вступительной статьи и примечания: В. В. Соколов. — М., «Мысль», 1989. с. 353.

2 Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la theorie de l'action. — Paris: Seuil, 1994.

3 Лейбниц Г. В. Опыт рассмотрения динамики. О раскрытии и возведении к причинам удивительных законов, определяющих силы и взаимодействие тел. / Перевод с латинского Я. М. Боровского. // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 томах. / Редактор и составитель, автор вступительных статей и примечания: В. В. Соколов. — М., «Мысль», 1982. с. 247.

4 Лейбниц Г. В. О природе тела и движущих сил. / Перевод с латинского Н. А. Фёдорова. // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 томах. / Редактор и составитель, автор вступительных статей и примечания: Г. Г. Майоров и А. Л. Субботин. — М., «Мысль», 1984. с. 219–221; 223.

5 Лейбниц Г. В. Рассуждение о метафизике. / Перевод с французского В. П. Преображенского. // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 томах. / Редактор и составитель, автор вступительных статей и примечания: В. В. Соколов. — М., «Мысль», 1982. с. 143.

6 Лейбниц Г. В. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом. / Перевод с французского Н. А. Иванцова. // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 томах. / Редактор и составитель, автор вступительных статей и примечания: В. В. Соколов. — М., «Мысль», 1982. с. 272.

7 Лейбниц Г. В. Монадология. / Перевод с французского Е. Н. Боброва. // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4 томах. / Редактор и составитель, автор вступительной статьи и примечания: В. В. Соколов. — М., «Мысль», 1982. с. 423 и др.

- 8 Heidegger M. Nietzsche. T. 2. / Trad. par. P. Klossowski. — Paris: Gallimard, 1971. — p. 354.
- 9 Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. / Перевод с немецкого Г. Шпета. — СПб., «Наука», 1992.
- 10 Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3 томах. Том 2. — М., «Мысль», 1971.
- 11 Кант И. Критика способности суждения. / Перевод с немецкого М. И. Левиной. // Кант И. Сочинения: в 8 томах. Том 5. — М., Чоро, 1994. — с. 243–246.
- 12 Вебер М. Основные социологические понятия. // Вебер М. Избранные произведения. / Перевод с немецкого / Составитель, общая редакция и послесловие: Ю. Н. Давыдов. — М., «Прогресс», 1990. с. 603.
- 13 Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. / Перевод с немецкого. — СПб., «Наука», 1997. с. 255.
- 14 Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания. // Вебер М. Избранные произведения. / Перевод с немецкого составитель, общая редакция и послесловие: Ю. Н. Давыдов. — М., «Прогресс», 1990. с. 365, 377 и др.
- 15 Bourdieu P. Meditations pasqualiennes. Paris: Seuil, 1997. p. 158, 161.

Батурчик М. В. Габитус

2026

Габитус — это целостная система диспозиций восприятия, оценивания, классификации и действий индивида, результат опыта и интериоризации индивидом социальных структур, носящая неосознанный характер.

Габитус — это целостная система диспозиций восприятия, оценивания, классификации и действий индивида, результат опыта и интериоризации индивидом социальных структур, носящая неосознанный характер. В системе социальных наук термин «габитус» введён П. Бурдьё, согласно которому: «Габитус — система прочных приобретённых предрасположенностей (dispositions), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, то есть в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления, которые объективно приспособлены для достижения определённых результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства».

Габитус порождается средой, «классом условий существования», путём их интериоризации индивидом; это результат индивидуальной истории и социального опыта индивида. Габитус структурирует новый опыт, который, в свою очередь, трансформирует исходные ментальные структуры. Таким образом, габитус зависит от социальной траектории индивида.

Габитус объединяет принцип практик индивида: «это порождающее и унифицирующее начало, которое сводит... характеристики какой-либо позиции в единый стиль жизни, то есть в единый ансамбль выбора людей, благ и практик» (П. Бурдьё). Вводя понятие габитуса, Бурдьё пытается снять традиционное для социологии противопоставление социальной структуры и личных практик индивида: с одной стороны, габитус — это внутренние схемы восприятия, оценивания, классификации и деятельности, свойственные индивиду, с другой — это интериоризованные социальные отношения, усвоенные и присвоенные социальными агентами.

Габитус обеспечивает воспроизводство социальных институтов: структура института вписывается во внутреннюю структуру индивида и впоследствии воспроизводится в будущих его практиках (по Бурдьё, «собственность присваивает хозяина, принимая форму структуры порождающей практики, совершенно соответствующие её логике и требованиям»). В то же время габитус вписывает индивида в существующие социальные структуры, генерируя практики и представления так, что они оказываются объективно адаптированными к социальным отношениям, продуктом которых и являются.

Габитус обеспечивает не только воспроизводство но и определённую изменчивость социальной структуры в практиках индивида, поскольку детерминирует практики не

непосредственно, но путём изначально заданных принуждений, ограничений, представлений о возможном, вероятном и невозможном. Действие формируется на основании «субъективной оценки объективных вероятностей», соизмерения желаемого и возможного.

Принципиальным моментом является то, что габитус целостен и не может быть разложен на отдельные составляющие его диспозиции, поскольку выражает один общий принцип, стиль, проявляющийся во всех практиках индивида и переносимый из одной сферы в другую, задавая их взаимную согласованность.

Ещё одна особенность габитуса в том, что он является бессознательной структурой: это системы глубоко укоренённых диспозиций, «забытых» и полностью не рефлекслируемых: «Габитус — это история, ставшая природой, и тем самым отрицаемая в качестве таковой» (Н. А. Шматко). Бессознательность габитуса определяется его телесностью; установки вписаны в телесность и проявляются в манере, стиле, привычке говорить, держаться, двигаться, подчиняясь определённым инкорпорированным требованиям.

Габитус производится социальной средой, следовательно сходные условия, то есть позиции индивида генерируют сходные габитусы членов группы, класса, сообщества. Таким образом, «социальный класс — это класс схожих условий, а также класс индивидов, обладающих сходным габитусом» (П. Бурдьё). Следовательно, практики членов группы изначально координированы сходством габитусов, выступающим основой спонтанной солидарности.

Структуры, Habitus, Практики

1990

В объективистских концепциях социальный мир рисуется как спектакль, предложенный зрителю, который, имея свою точку зрения на действие и привнося в объект принципы своего к нему отношения, тем не менее считает, что его восприятие определяется исключительно стремлением к знанию и все социальные взаимодействия являются чисто символическими обменами [1]. Эта точка зрения особенно характерна для тех, кто занимает высокое положение в социальной структуре, откуда социальный мир видится как репрезентация (слово, используемое в идеалистической философии и в живописи) или как представление (в театральном или музыкальном смысле), и практики кажутся лишь исполнением ролей, азартной игрой или реализацией планов.

Против позитивистского материализма в теории практики выдвигается тезис о том, что объекты знания конструируются, а не пассивно отражаются. Против интеллектуального идеализма — тезис, что принципы такого конструирования являются системой структурированных [2], структурирующих [3] предрасположенностей или habitus'ом [4], который строится в практике и всегда ориентирован на практические функции.

Возможно покинуть вершину, с которой объективный идеализм упорядочивает мир, как того требует Маркс в «Тезисах о Фейербахе», не отказываясь при этом от активного аспекта познания мира, не сводя знание к простой регистрации событий. Чтобы это получилось, необходимо погрузиться в самую реальную деятельность», то есть вступить в практическое отношение с миром, активное. деятельное присутствие в мире, через которое мир навязывает своё существование, свои требования (то, что следует делать и говорить, и что должно быть проговорено), которые непосредственно управляют словами и делами без всякого спектакля. Нужно избегать реализма структуры, к которому неизбежно ведёт объективизм.

Будучи необходимой стадией отрыва от первичного (чувственного) опыта и конструирования объективных отношений, объективизм приводит к тому, что эти отношения фетишизируются, рассматриваются как реальности, образовавшиеся за пределами истории группы. Нельзя также впасть в субъективизм, не способный объяснить закономерность социального мира. Для этого нужно вернуться к практике, к диалектике *opus operatum* и *modus operandi* [5]. объективированных и инкорпорированных продуктов исторической практики; структур и habitus'a.

Парадоксально, что выявление предпосылок объективистских конструкций было отсрочено усилиями всех тех, кто в лингвистике и антропологии стремился исправить структуралистскую модель, обращаясь за объяснением вариаций, исключений и случайностей к «контексту» и «ситуации» (вместо того чтобы просто объяснять варианты наличием всепоглощающей структуры, как делали структуралисты). Таким образом они избежали радикальной ревизии объективистского способа мышления, отказавшись при этом от концепции свободного выбора беспочвенного, незакрепленного, чистого субъекта. Таким образом, метод, известный как «ситуативный анализ», состоящий в «наблюдении за людьми в многообразии социальных ситуаций», с тем чтобы определить способ, которым индивиды осуществляют выборы в пределах специфической социальной структуры» (Gluckman. 1961; Van Velsen, 1964), остаётся замкнутым в рамках правил и исключений, что открыто признает Эдмунд Лич (часто провоцируемый образцами такого метода): «Я постулирую, что структурные системы, в которых все направления социальных действий узко институционализированы, невозможны. Во всех жизнеспособных системах должны быть области, в которых индивид свободен делать выборы и манипулировать системой для собственной выгоды» (Leach. 1962, 133).

Среда, ассоциируемая с определённым классом условий существования, производит *habitus*, то есть системы прочных приобретённых предрасположенностей (*dispositions*), структурированных структур, предназначенных для функционирования в качестве структурирующих структур, то есть в качестве принципов, которые порождают и организуют практики и представления, которые объективно приспособлены для достижения определённых результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства. Объективно «регулируемые» и «регулярные», не являющиеся при этом никоим образом результатом подчинения правилам, они могут исполняться коллективно, не будучи продуктом организующего действия дирижёра.

Разумеется, не исключается, что действия *habitus*'а могут сопровождаться стратегическим расчётом, который обычно направлен сознательным образом на то, что *habitus* делает совсем иначе, а именно, на оценку шансов преобразования наследия прошлого в ожидаемую цель. Но такие действия определяются прежде всего без всякой калькуляции, исходя из объективных возможностей, непосредственно вписанных в настоящее, в то, что делается или не делается, говорится или не говорится, исходя из вероятного, «грядущего» (*a venir*) будущего, которое — по контрасту с будущим, рассматриваемым как «абсолютная возможность» (*absolute Moglichkeit*) в гегелевском или сартровском смысле, планируемым в чистом проекте «негативной свободы», — прокладывает себе путь с поспешностью и требованием осуществления, исключаящими всякую интенциональность. Для практики не существует объективных стимулов, стимулы конвенциональны по характеру и действуют, только если агенты готовы их признать.

Практический мир — мир, построенный во взаимосвязи с *habitus*'ом, действующим как система когнитивных и мотивационных структур, — это мир уже реализованных целей, процедур, которых надо придерживаться, образцов, которым надо следовать, и объектов, наделённых «перманентным телеологическим характером», по выражению Гуссерля, инструментов или институтов. Это происходит потому, что регулярности, присущие произвольным условиям («произвольным» (*arbitrary*) в смысле Соссюра и Мосса), имеют

тенденцию проявляться как необходимые, даже естественные, поскольку они являются основанием индивидуальных схем восприятия и оценки.

Если регулярно наблюдается очень тесная корреляция между научно конструируемыми объективными вероятностями (например, шансами доступа к определённому благу) и субъективным ожиданием агентов («мотивациями» и «потребностями»), то это не потому, что агенты сознательно регулируют свои ожидания в соответствии с точной оценкой своих шансов на успех, подобно азартному игроку, делающему ставки на основе полной информации о своих шансах на выигрыш. В действительности предрасположенности на протяжении длительного времени формируются возможностями и невозможностями, свободами и необходимостями, разрешениями и запретами, диктуемыми объективными условиями (которые наука постигает через статистические регулярности, такие как вероятности, объективно предписанные группе или классу), которые генерируют предрасположенности, объективно совместимые с этими условиями и в каком-то смысле заведомо приспособленные к их требованиям.

Наиболее невероятные практики, следовательно, исключаются как невозможные, исходя из своего рода непосредственного подчинения порядку, который склоняет агентов придавать ценность необходимости, то есть отказываться от того, что в любом случае не случится, и желать того, что неизбежно.

Сами условия производства habitus'a означают, что порождаемые им ожидания в значительной степени формируются без учёта ограничений, которым подчинён подсчёт вероятностей, а именно, без требования неизменности экспериментальных условий. В отличие от научных оценок, которые корректируются после каждого эксперимента в соответствии со строгими правилами счёта, ожидания habitus'a, практические гипотезы, основанные на прошлом опыте, придают непропорционально большое значение раннему опыту. Через экономическую и социальную необходимость, испытываемую в относительно автономном мире домашнего хозяйства и семейных отношений, или, точнее, через близкие нам проявления этой внешней необходимости (формы распределения труда между полами, объекты домашнего быта, способы потребления, отношения родителей с детьми и так далее), структуры, характеризующие определённый класс условий существования, производят структуры habitus'a, которые, в свою очередь, являются базисом восприятия и оценки всего последующего опыта.

Habitus, продукт истории, производит индивидуальные и коллективные практики — опять историю — в соответствии со схемами, порождаемыми историей. Он обуславливает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действия, гарантирует «правильность» практик и их постоянство во времени более надёжно, чем все формальные правила и эксплицитные нормы. Такая система предрасположенностей — то есть присутствующее в настоящем прошедшее, устремляющееся в будущее путём воспроизведения однообразно структурированных практик, внутренний закон, через который постоянно исполняется не сводимый к непосредственному принуждению закон внешних необходимостей, — есть тот принцип преемственности и регулярности, который отмечается в социальных практиках последователями объективизма, но не находит у них объяснения, а также принцип

регулируемых преобразований, который не может быть объяснён ни внешним детерминизмом механистического социологизма, ни чисто внутренней, но такой же внезапной детерминацией спонтанного субъективизма. Преодолевая искусственную оппозицию между силами, присущими предыдущему состоянию системы, внешними по отношению к телу, и внутренними силами, внезапно заявляющими о себе в качестве мотиваций и проявлений свободной воли, внутренние предрасположенности — интернализация внешнего — дают внешним силам возможность проявлять себя, но в соответствии со специфической логикой организмов, в которые они вплетаются, то есть входят на постоянной, систематической (и не механической) основе.

В качестве приобретённой системы порождающих схем, *habitus* делает возможным свободное производство мыслей, восприятия и действий, присущих конкретным условиям их производства — и только им. Посредством *habitus*'а структура, продуктом которой он является, управляет практикой, причём не в духе механистического детерминизма, но в рамках принуждений и пределов, заведомо наложенных на её изобретения. Эту бесконечную, однако строго ограниченную порождающую способность трудно понять, оставаясь в плену принятых антиномий, на преодоление которых нацелена концепция *habitus*'а — детерминизма и свободы, обусловленности средой и изобретательности, сознательного и бессознательного, или индивида и общества. Поскольку *habitus* — это бесконечная способность для производства мыслей, восприятия, выражений и действий, — пределы которой заданы историческими и социальными условиями его производства, то и обусловленная и условная свобода, которую он предоставляет, так же далека от создания непредсказуемого нового, как и от простого механического воспроизводства первоначальных условий.

Ничто так не уводит в сторону, как иллюзия, что все проявления жизни, от работ художников до фактов биографии, являются реализацией некой сущности, которая как бы существовала до них. Так же как зрелая живописная манера не содержится, подобно зерну, в первоначальном вдохновении, но непрерывно определяется и переопределяется в диалектическом движении между замыслом и уже достигнутым результатом, так и здесь: единство значения, — которое после совершения события, кажется, предшествовало тем действиям, которые составили его конечную значимость, ретроспективно представляя различные стадии работы просто подготовительными эскизами, — на самом деле конституируется через столкновение вопросов, существующих только в воображении, вооружённом определённого вида схемами, с решениями, получаемыми в результате приложения этих же самых схем.

Генезис системы практик, заданных одним и тем же *habitus*'ом (или гомологическим *habitus*'ом который лежит в основе единства стиля жизни группы или класса), нельзя описать ни как автономное развитие уникальной и самоопределяющей (*self-identical*) сущности, ни как постоянное сотворение нового, поскольку практики возникают в результате необходимого, хотя и непредсказуемого столкновения между *habitus*ом и событием, которое может активизировать *habitus*, только если последний выхватывает событие из непредвиденности случайного и констатирует его как проблему, применяя к ней сами принципы её решения, а также потому, что *habitus* как любой «акт изобретения», обладает способностью порождать бесконечное число практик, относительно

непредсказуемых (как и соответствующие ситуации), но в то же время ограниченных в своём многообразии.

Короче говоря, будучи продуктом некоторого типа объективной регулярности, *habitus* склонен порождать «резонные», «общепринятые» манеры поведения (и только их), которые возможны в пределах такой регулярности и которые с наибольшей вероятностью будут положительно санкционированы, поскольку они объективно приспособлены к логике, характерной для определённого поля деятельности, объективное будущее которого они предвосхищают. В то же время без «насилия, искусства или спора» *habitus* обычно исключает все «крайности» («нравится нам это или нет»), то есть все те поступки, которые санкционировались бы негативно, поскольку они несовместимы с объективными условиями. Поскольку практики, как правило, воспроизводят устойчивость, присущую условиям, в которых возник порождающий их принцип, и в то же время приспосабливаются к требованиям, задаваемым объективными потенциальными перспективами ситуации, определяемыми когнитивными и мотивационными структурами, составляющими *habitus*, практики невозможно дедуктивно вывести ни из условий настоящего, которые, казалось бы, их спровоцировали, ни из условий прошлого, которые произвели *habitus*, постоянный принцип их производства. Их можно объяснить, следовательно, только соотношением социальных условий, в которых возникает порождающий их *habitus*, к тем социальным условиям, в которых он реализуется, то есть с помощью научного изучения взаимоотношения этих двух состояний социального мира, в которых в скрытом виде задействован *habitus*.

«Бессознательное», позволяющее пренебрегать этой взаимосвязью, есть не что иное, как забывание истории, вызванное самой же историей в процессе реализации объективных структур, которые она порождает в квазиприроде *habitus*'а. Как определяет Дюркгейм: «В каждом из нас в различной степени есть тот, кем мы были вчера и, на самом деле, в природе вещей верно даже то, что наша прошлая личность преобладает, так как настоящее всегда менее значимо по сравнению с длительным периодом прошлого, благодаря которому мы такие, какие мы теперь. И справедливо то, что мы не ощущаем непосредственного влияния наших прошлых личностей, поскольку они так глубоко коренятся в нас. Они составляют бессознательную часть нас. Следовательно, в нас заключена сильная тенденция не признавать их существования и игнорировать их законные требования. И напротив, последние достижения цивилизации мы ощущаем просто потому, что они недавние и, следовательно, не успели ассимилировать в нашем коллективном бессознательном» (Durkheim, 1977, 11). *Habitus* — воплощённая история, интернализированная как вторая натура и, таким образом, забытая как история.

Как таковой, именно он даёт практикам их относительную независимость от внешних детерминант непосредственного настоящего. Эта автономия есть автономия прошлого, действовавшего и действующего, которое, функционируя как аккумулированный капитал, производит историю на основе истории и таким образом гарантирует постоянные изменения, которые составляют для индивида его мир во внешнем мире. *Habitus* — это спонтанность вне осознанности или воли, столь же противоположная механической необходимости вещей, лишённых истории в механистических теориях, сколь и рефлексивной свободе лишённых инерции субъектов в рационалистических теориях.

Таким образом, дуалистическое видение, которое признает либо очевидность (self-transparent) акта сознания, либо внешнюю детерминированность вещей, должно уступить место действительной логике действия, которая соединяет два процесса объективации истории — объективацию в телах и объективацию в институтах — или, что то же самое, два состояния капитала, объективированный и инкорпорированный, через которые устанавливается дистанция от необходимости. В парадигматической форме эту логику можно наблюдать в диалектике стремления к самовыражению и наличия институционализированных средств (морфологических, синтаксических, лексических инструментов, литературных жанров, и так далее), которая видна в непреднамеренном ограничении импровизации. Бесконечно захваченный своими же собственными словами (Николай Гартман выразил это как отношение «нести и быть несомым»), виртуоз находит в своём дискурсе стимулы для своего же дискурса, который двигается как поезд, прокладываящий себе рельсы (Ruyer, 1966, 136).

Другими словами, будучи производным от *modus operandi*, то есть сознательно не управляемым, дискурс содержит «объективное намерение», как установили схоласты, которое выходит за рамки сознательного намерения автора и постоянно задаёт новый соответствующий стимул для *modus operandi*, продуктом которого он является и который функционирует как некий «одушевлённый автомат». Если остроты срабатывают благодаря как своей непредсказуемости, так и ретроспективно очевидной необходимости, причина заключается в том, что это открытие (*trouvaille*) давно захороненных ресурсов предполагает *habitus*, который столь же абсолютно располагает объективно доступными средствами выражения, сколь и они располагают им, настолько, что он отстаивает свою свободу от них путём реализации наиболее редких возможностей, которые они с необходимостью предоставляют.

Диалектика значений языка и народных поговорок — это частный и особенно важный случай диалектики между *habitus*'ом и институтами, то есть между двумя способами объективации истории, в которой неизбежно возникают новые повороты, подобно остротам, одновременно оригинальным и неизбежным. Этим устойчивым порождающим принципом регулируемых импровизаций является практическое чувство, которое приводит в действие чувство, объективированное в институтах. Производимый процессами навязывания и усвоения, необходимыми, чтобы объективные структуры, продукты коллективной истории, воспроизводились в форме соответствующих стабильных предрасположенностей, являющихся условием их функционирования, *habitus*, формирующийся в ходе индивидуальной истории, навязывающий свою особую логику вписывания в структуру и определяющий участие агентов в истории, объективированной в институтах, — это то, что делает возможным преемственность институтов, их практическое приспособление и, таким образом, поддерживает их активность, постоянно выводит их из состояния забытых писем, возобновляя смысл, заложенный в них, но в то же время пересматривая и преобразуя его, если это необходимо для такого возобновления. Или, скорее, *habitus* — это то, что позволяет институту достичь полной реализации: именно через способность вписывания в структуру, которая основана на готовности тепа серьёзно принимать перфо «мативную магию» [6] социального, когда король, банкир или священник воплощают соответственно наследственную монархию, финансовый капитализм или церковь.

Собственность присваивает своего хозяина, принимая форму структуры, порождающей практики, совершенно соответствующие её логике и требованиям. Если справедливо считается, как у Маркса, что «владелец наследуемого имения, первый по рождению (старший) сын, принадлежит земле», что «она наследует его» или что «личность» капиталиста есть «персонификация» капитала, то это потому, что чисто социальный и якобы магический процесс социализации, в который индивид торжественно вступает, вписываясь в институт с отметкой «старший сын», «наследник», «приёмник», «христианин» или просто «мужчина» (в противоположность «женщине») со всеми соответствующими привилегиями и обязательствами, и который продолжается, усиливается или подтверждается с помощью социальных процедур, часто преобразующих институционализированную разницу в естественное различие, этот процесс социализации производит довольно реальный эффект, надолго впечатывающийся в тело и убеждения.

Институт, даже экономика, целиком и полностью жизненна, только если она постоянно объектифицирована не только в вещах, то есть в логике отдельного поля деятельности (превосходящей индивидуальных агентов), но также и в телах, в постоянной предрасположенности тела признавать и подчиняться требованиям поля. Тогда — и только тогда — когда *habitus* вписывается в структуру и является частью самой истории, или, конкретнее, истории, объективированной в *habitus*'е и структурах, порождаемые ими практики взаимно понятны и непосредственно приспособлены к структурам. При этом они даны объективно и наделены объективным значением, то есть одновременно единичным и систематическим, выходящим за пределы субъективных интенций и сознательных индивидуальных или коллективных проектов.

Одним из фундаментальных последствий гармонии практического чувства и объективного значения (*sens*) является производство мира здравого смысла, непосредственная очевидность которого дополняется объективностью, которая складывается в результате соглашения о значениях практик и мира, другими словами, в результате гармонизации опыта агентов и постоянного усиления значения, происходящего от выражения — индивидуального или коллективного (к примеру, на праздниках), импровизированного или запрограммированного (общественные места, поговорки) — подобного или идентичного опыта.

Гомогенность *habitus*'а, которая наблюдается в пределах какого-то класса условий существования и социальной среды, обуславливает то, что практики и действия непосредственно понятны и предсказуемы и, таким образом, воспринимаются как само собой разумеющиеся (*taken for granted*). *Habitus* делает вопросы о намерениях поверхностными не только для производства, но и для расшифровки практик и действий. Автоматические и безличные, означенные без намерения придать значение повседневные практики подлежат пониманию, не менее автоматическому и безличному. Схватывание объективного намерения, которое они выражают, не требует ни «воссоздания» исходного и «пережитого» намерения их основателя, ни «намеренной постановки себя на место другого», столь любимой феноменологами и всеми защитниками концепции «участия» в истории или социологии, ни тацитного или явного выяснения («что именно ты имеешь в виду?») интенции других. «Коммуникация сознанию» предполагает существование общности на основе «бессознательного» (то есть лингвистической или культурной

компетенции).

Расшифровка объективных намерений практик и действий не имеет ничего общего с «воспроизводством» (*Nachbildung*, как сначала это называл Дильтей) пережитого опыта и ненужным, неопределённым восстановлением «интенции», которая не является их действительным источником. Объективная гомогенизация группового или классового *habitus'a*, вытекающая из гомогенности условий существования, позволяет практикам быть объективно гармоничными без всякой калькуляции или сознательного соотнесения с нормами и многократно настраиваться без непосредственного взаимодействия или, а *forteori*, явной координации.

Взаимодействие само по себе обязано своей формой объективным структурам, породившим предрасположенности взаимодействующих агентов, которые продолжают предписывать актёрам их относительные позиции во взаимодействии и где бы то ни было. «Вообразите, — предлагает Лейбниц (*Leibniz*. 1866) — двое часов в совершенном соответствии по времени. Это может случиться в трёх случаях. Первый состоит во взаимном влиянии, второй — в том, чтобы назначить умелого специалиста для постоянной настройки и синхронизации; третий — сделать эти часы с таким искусством и точностью, чтобы быть уверенным в их последующем совпадении». Если не учитывать принцип созвучия оркестра без дирижёра, который придаёт регулярность, единство и систематичность даже при отсутствии какой-либо спонтанной или навязанной организации индивидуальных проектов, то это неизбежно приведёт к наивной искусственности, когда не признается никакого другого объединяющего принципа, кроме сознательной координации.

Практики членов одной группы или, в дифференцированном обществе, одного и того же класса, гармонизированы всегда больше и лучше, чем этого хотят или осознают сами агенты, поскольку, как опять же сказал Лейбниц, «следуя только своим собственным законам», каждый «тем не менее совпадает с другими». *Habitus* — именно такой имманентный закон, *lex insita*, вписанный в тела единой историей, что является предпосылкой не только для координации практик, но также для практик координации. Поправки и регулирование, которые сознательно вносят сами агенты, предполагают владение общим кодом; попытки мобилизации коллектива не могут увенчаться успехом без минимального совпадения между *habitus'ом* мобилизуемых агентов (пророков, лидеров, и так далее) и предрасположенностями тех, кто узнает себя в их практиках или речах, и, помимо всего того, без группообразования, возникающего в результате спонтанного соответствия предрасположенностей.

Очевидно, что каждое усилие мобилизации, направленное на организацию коллективного действия, должно учитывать диалектику предрасположенностей и случайностей, которые заложены в каждом агенте, мобилизует ли он или мобилизуют его, инертность (*hysteresis* [7]) *habitus'a* — без сомнения, является одним из объяснений структурного лага между возможностями и предрасположенностью воспользоваться ими, который и является причиной упущенных возможностей и, в особенности, часто наблюдаемой неспособности думать об исторических кризисах иначе, чем в категориях восприятия и мышления, свойственных прошлому, пусть даже революционных.

Также очевидно, что надо принять во внимание объективное соответствие, устанавливаемое между предрасположенностями, которые координируются объективно, поскольку упорядочиваются более или менее идентичными объективными необходимостями. Очень опасно, однако, рассматривать коллективное действие по аналогии с индивидуальным действием, игнорируя всё то, чем коллективное действие обязано относительно автономной логике институтов мобилизации (с их собственной историей, их специфической организацией, и так далее), а также ситуациям (неважно, институционализированным или нет), в которых оно происходит. В социологии идентичными считаются все индивиды, которые, будучи продуктами одних и тех же объективных условий, имеют одинаковый *habitus*.

Социальный класс (в себе) — класс идентичных или схожих условий существования и среды — это в то же время класс биологических индивидов, обладающих одинаковым *habitus*'ом, который понимается как система предрасположенностей, общих для всех продуктов одной и той же среды. При том, что одинаковый опыт для всех (и даже для двух) представителей одного класса невозможен, в то же время очевидно, что представители одного класса с большей вероятностью по отношению к представителям другого класса, сталкиваются с ситуациями, типичными для своего класса.

Посредством опыта, всегда конвергентного по своему характеру, который придаёт социальной среде лицо, с её «закрытыми дверями», «тупиками» и «ограниченными возможностями», объективные структуры, понимаемые в социологии как вероятности доступа к благам, услугам и власти, задают «искусство оценки вероятностей», как определил Лейбниц, вероятностей предвидения объективного будущего, короче, задают «чувство реальности», или реальностей, которое, возможно, является наиболее скрытым принципом эффективности этих структур.

Чтобы определить отношение между классовым *habitus*'ом и индивидуальным *habitus*'ом (который неотделим от индивидуального организма, то есть непосредственно дан в непосредственном восприятии — *intuitus personae* [8] — и социально определён и признан — имя, легальный статус и так далее), будем считать классовым (или групповым) *habitus*'ом (который есть индивидуальный *habitus* постольку, поскольку он выражает или отражает класс или группу) субъективную, но не индивидуальную систему интернализованных структур, общих схем восприятия, концепций и действий, которые являются предпосылками всякой объективации и апперцепции [9], а объективная координация практик и общее мировоззрение могли бы быть основаны на абсолютной безличности и взаимозаменяемости единичных практик и убеждений.

Но это означало бы рассматривать все практики или представления, произведённые в соответствии с идентичными схемами, как безличные и взаимозаменяемые, подобно индивидуальным интуитивным восприятиям космоса, которые, по Канту, не отражают ни одной особенности эмпирического эго [10]. Фактически единичные *habitus*'ы представителей одного и того же класса объединены отношением гомологии, то есть разнообразия в рамках гомогенности, характеризующей социальные условия их производства. Каждая индивидуальная система предрасположенностей — это структурный вариант «других», выражающий своеобразие траектории и положения в классе.

«Личный» стиль, особый штамп, отличающий все продукты одного и того же habitus, будь то практики или результаты практик, это всегда не более чем отклонение по отношению к стилю периода или класса, при этом он связан с общим стилем не только в смысле конформности — как у Фидия, который, как считал Гегель, не имел «манеры», — но и в смысле отличия, которое составляет «манеру». Принцип отличий между индивидуальными habitus'ами заключается в своеобразии их социальных траекторий, которым соответствуют серии взаимно несводимых друг к другу хронологически упорядоченных детерминант. Habitus, который в каждый момент времени структурирует новый опыт в соответствии со структурами [11], созданными прошлым опытом, модифицированными новым опытом в пределах, задаваемых их избирательной способностью, привносит уникальную интеграцию опыта, статистически общего для представителей одного класса, а именно интеграцию, управляемую более ранним опытом.

Ранний опыт имеет особое значение, поскольку habitus имеет тенденцию к постоянству и защищён от изменений отбором новой информации, отрицанием информации, способной поставить под сомнение уже накопленную информацию, если таковая предоставляется случайно или по принуждению, но в особенности уклонением от такой информации. При этом обязательно нужно помнить о гомогамии, парадигме всех «выборов», через которые habitus обычно отдаёт предпочтение тому или иному опыту, которая, по-видимому, только усиливает его (например, эмпирически подтверждён факт, что люди склонны говорить о политике с теми, кто придерживается аналогичных взглядов). Производя систематические «выборы» мест, событий и людей для знакомства, habitus защищает себя от кризисов и критических нападок, обеспечивая себе настолько, насколько это возможно, среду, к которой он уже приспособлен, то есть относительно постоянный круг ситуаций, усиливающий его предрасположенности, обеспечивая рынок, наиболее подходящий для его продуктов. И опять, самое парадоксальное качество habitus'a, этого невыбираемого принципа всех «выборов», заключается в том, что он обеспечивает решение парадокса: отбирается информация, необходимая для того, чтобы уклониться от информации.

Схемы восприятия и оценки habitus'a, которые приводят к стратегиям уклонения, в значительной степени работают несознательно и ненамеренно. Уклонение происходит либо автоматически, как результат условий существования (например, пространственной сегрегации [12]), либо как стратегическое намерение (как, например, изоляция от дурной компании» или «неподходящих книг»), исходящее от взрослых, сформированных в тех же условиях. Даже если они выглядят как реализация явных целей, стратегии, произведённые habitus'ом и позволяющие агентам справляться с непредвиденными и постоянно меняющимися ситуациями, определяются будущим только при поверхностном рассмотрении.

Если и складывается впечатление, что стратегии направлены на определённые ожидаемые последствия, и таким образом поддерживается иллюзия ориентации на результат, то это потому, что, воспроизводя объективные структуры, которые их производят, эти стратегии определяются условиями производства принципа их производства, то есть уже известным результатом идентичных и взаимозаменяемых прошлых практик, который совпадает с их собственным результатом лишь в той степени, в которой структуры, в рамках которых они функционируют, идентичны или гомологичны тем объективным структурам, продуктом

которых они являются [13].

Так, например, во взаимодействии двух агентов или групп агентов, наделённых одинаковым habitus'ом (скажем, А и В), всё происходит, как если бы действия каждого из них (скажем, а1 для А) были бы организованы с ожиданием реакции от агента, располагающего таким же habitus'ом (скажем, в 1 для В). Они, следовательно, объективно содержат и предвидение реакции, которую эти реакции, в свою очередь, могут вызвать (а2, реакции А, на в 1). Но телеологическое описание, единственно подходящее для «рационального актёра», располагающего полной информацией как о предпочтениях, так и о компетенции (competence) других актёров, в котором каждое действие нацелено на создание возможности реакции на реакцию, которую оно вызывает (индивид А выполняет действие а1, например, дарит подарок, для того чтобы заставить индивида В произвести действие в 1, так чтобы он мог затем произвести действие а2, опережающий подарок), — столь же наивно, как и механистическое описание, представляющее действие и ответную реакцию на него как множество шагов в последовательности запрограммированных действий, производимых механическим аппаратом.

Чтобы получить представление о трудностях, с которыми сталкивается механистическая теория практики как механической реакции, непосредственно определяемой предшествующими условиями и всецело сводимой к механическому функционированию взаимно отрегулированных устройств — которые должны полагаться существующими в неограниченном количестве, так же как и случайные конфигурации стимулов, способных запускать их извне — надо обязательно упомянуть грандиозно безысходные попытки антрополога позитивистского толка, записавшего 480 элементарных единиц поведения в течение 20-минутного наблюдения за своей женой на кухне. «Здесь мы сталкиваемся с тем печальным фактом, что анализируемая выборка цепи эпизодов является фрагментом большего сегмента поведения, который в полной записи содержит 480 отдельных эпизодов. Более того, потребовалось только 20 минут, чтобы произошло 480 событий поведенческого потока. Если поведение моей жены репрезентативно для поведения других актёров, мы должны быть готовы иметь дело с разнообразием эпизодов, производимых в количестве 20 000 в 16-часовой день одним актёром... Для населения, состоящего из нескольких сотен типов актёров, число различных эпизодов в общем исчислении должно составить множество миллионов в течение годового цикла» (Harris, 1964: 74-5).

Habitus содержит решение парадоксов объективного значения без субъективной интенции [14]. Это источник тех струн «движения», которые объективно организованы как стратегии, не являясь при этом продуктом действительно стратегической интенции — которая означала бы по меньшей мере, что данная стратегия принимается как один из возможных вариантов. Если и может показаться, что каждая стадия в последовательности упорядоченных и ориентированных действий, составляющих объективные стратегии, определяется предвидением будущего, и, в особенности, ожидаемыми последствиями, то это потому, что практики, которые порождаются habitus'ом и управляются прошлыми условиями производства их порождающего принципа, заведомо приспособлены к объективным условиям, причём условия, в которых функционирует habitus, остаются идентичными или сходными с теми, в которых он был сформирован. Особенно успешное приспособление к объективным условиям даёт полную иллюзию телеологизма или — что то

же самое — саморегулирующего механизма.

Присутствие прошлого в таком ложном предвидении будущего, выполняемом *habitus*'ом. парадоксальным образом наиболее очевидно, когда ощущение вероятного будущего неверно и когда предрасположенности, плохо приспособленные к объективным шансам из-за эффекта инертности (*hysteresis*) (любимый пример Маркса — Дон Кихот), санкционируются негативно, поскольку среда, в которой они реализуются, слишком отличается от той, к которой они объективно приспособлены. На самом деле, устойчивость влияния первичной среды, в форме *habitus*'а, так же хорошо объясняет случаи, когда предрасположенности проявляются невпопад, и практики объективно плохо приспособлены к настоящим условиям, поскольку они объективно приспособлены к условиям, которых больше нет.

Тенденция поддержания групп *inter alia* [15] благодаря тому, что они состоят из индивидов с устойчивыми предрасположенностями, которые могут «пережить» экономические и социальные условия [16], в которых были произведены, может быть источником и адаптации и отсутствия адаптации, и бунта и подчинения. Необходимо ещё рассмотреть другие возможные формы отношений между предрасположенностями и условиями, чтобы увидеть, что заведомая приспособленность *habitus*'а к объективным условиям есть лишь «возможный частный случай», и, таким образом, избежать бессознательной универсализации модели абсолютного воспроизводства, которая работает только тогда, когда условия производства *habitus*'а и условия его функционирования идентичны или гомотетичны.

В этом случае предрасположенности, постоянно задаваемые объективными условиями и педагогическим воздействием, которое идеологически приспособлено к этим условиям, обычно порождают практики, объективно сопоставимые с этими условиями, и ожидания, заведомо приспособленные к их объективным требованиям (*amor fati* [17]) (о некоторых попытках непосредственной проверки этой взаимосвязи психологами см. Brunslbik, 1949: Preston and Barrata, 1948; Atteneave, 1953). В результате они обычно, без всякой рациональной калькуляции или оценки шансов на успех, гарантируют непосредственное соответствие между *a priori*, или *ex ante*. вероятностью, приписываемой событию (неважно, сопровождается ли она при этом субъективным переживанием надежды, ожидания, страха, и так далее) и вероятностью *a posteriori*, или *ex post*, которая может быть установлена на основе прошлого опыта.

Предрасположенности, таким образом, позволяют понять, почему экономические модели, построенные на тацитной предпосылке об «отношении постижимой причинности», как определил Макс Вебер (Weber, 1922), между общими («типичными») шансами, «объективно существующими как средние», и «субъективными ожиданиями», или, например, между инвестициями или склонностью к инвестированию и уровнем возврата, ожидаемого или реально достигнутого в прошлом, достаточно хорошо объясняют практики, которые возникают не вследствие знания объективных шансов.

Указывая, что рациональное действие, «обдуманно» (*judiciously*) ориентированное на то, что «объективно» (*objectively valid*) (Weber, 1922), есть действие, которое «случилось бы, если

бы актёры знали заранее о всех обстоятельствах и всех намерениях друг друга» (Weber, 1968: 6), то есть о том, что «объективно в глазах учёного», единственно способного вычислить систему объективных шансов для координации полностью информированного действия, Вебер со всей определённости показывает, что чистую модель рационального действия нельзя рассматривать как антропологическое описание практики. И не только потому, что реальные агенты только в самых исключительных случаях располагают полной информацией и умением её оценить, что означало бы рациональное действие. Кроме редких случаев, в которых соединяются экономические и социальные условия рационального действия, предпринятого со знанием прибыли на различных рынках, практики зависят не от средних шансов прибыли, абстрактного и нереального понятия, а от специфических шансов, которыми обладает единичный агент или класс агентов в соответствии со своим капиталом, понимаемым как средство присвоения шансов теоретически доступных всем.

Экономическая теория, которая признает только рациональные «ответы» (responses) произвольных взаимозаменяемых агентов на «потенциальные возможности», или, вернее, на средние шансы (как «средние нормы прибыли» на различных рынках), превращает имманентный закон экономики в универсальную норму правильного экономического поведения. Этим самым скрывается тот факт, что «рациональный» habitus, который является предпосылкой соответствующего экономического поведения, сам является продуктом экономических условий и определяется размером экономического и культурного капитала, необходимого, чтобы воспользоваться потенциальными возможностями», теоретически существующими для всех: а также, что те же предрасположенности, приспособлявая наиболее экономически обездоленных к специфическим условиям, продуктом которых они являются, и таким образом способствуя их адаптации к общим требованиям экономического пространства (учитывающего калькуляцию, предсказания, и так далее), ведут к молчаливому принятию ими негативных санкций, применяемых вследствие недостатка такой адаптации, то есть их обездоленности.

Короче говоря, искусство оценки и использования шансов, способность предвидеть будущее посредством некой практической индукции или даже вступить в рассчитанную азартную игру возможного против вероятного — это предрасположенности, которые могут возникнуть только в определённых социальных условиях. Как, скажем, предпринимательский дух или склонность к инвестициям, экономическая информация — есть функция чьей-либо власти над экономикой. Так происходит, с одной стороны, потому, что склонность к власти зависит от шансов успешно её использовать, и шансы достижения её зависят от шансов успешного её использования, а также потому что экономическая компетентность, как всякая компетентность (лингвистическая, политическая и так далее), будучи далеко не просто технической способностью, достигаемой в определённых условиях, является властью, естественно даруемой тем, кто имеет власть над экономикой или (как показывает неоднозначность самого слова «компетентность») наделён атрибутами статуса.

Только в воображаемом опыте (например, в народной сказке), который нейтрализует чувство социальной реальности, социальный мир превращается во вселенную возможностей, одинаково осуществимых для каждого субъекта. Агенты формируют свои ожидания в соответствии с конкретными индикаторами доступного и недоступного, того, что «для нас» и «не для нас», — делением таким же фундаментальным и так же глубоко

усвоенным, как деление между священным и мирским. Преимущественные права на будущее, определяемые законом и монополистическим правом на определённые возможное, являются всего лишь эксплицитно гарантированной формой всей системы соответствующих шансов, через которые существующие отношения власти проецируют себя в будущее, откуда они управляют настоящими предрасположенностями, особенно теми, которые направлены на будущее. Фактически существующее практическое отношение агента к будущему, которое управляет его настоящей практикой, определяется отношением между habitus'ом с его временными структурами и предрасположенностями относительно будущего, сконструированными в определённой вселенной вероятностей, с одной стороны, и определённым состоянием шансов, объективно предложенных агенту социальным миром — с другой. Отношение к тому, что возможно, есть отношение к власти; и представление о вероятном будущем складывается на протяжении всей жизни в результате взаимодействия с миром, структурированным в соответствии с категориями возможного (для нас) и невозможного (для нас), существующего заведомо для других и реального для себя.

Habitus — это принцип выборочного восприятия индикаторов, направленных скорее на подтверждение и усиление habitus'a, нежели на его трансформацию, это матрица, генерирующая реакции, заранее приспособленные ко всем объективным условиям, идентичным или гомологичным с (прошлыми) условиями производства habituss, он приспособливает себя к вероятному будущему, которое он предвидит и помогает осуществить, поскольку читает его непосредственно в настоящем предполагаемого мира [18], единственного, который он может знать. Это легло в основу того, что Маркс (Marx, 1975: 378) называет «эффективным спросом» (в отличие от «спроса без эффекта», основанного на потребности или желании), реалистическим отношением к тому, что возможно, основанным на власти и, следовательно, ограниченным властью. Такая предрасположенность, всегда отмеченная (социальными) условиями её приобретения и реализации, обычно приспособлена к объективным шансам удовлетворения потребностей или желаний, настраивает агентов «по одежке протягивать ножки» и, таким образом, играет важную роль в процессах, направленных на создание вероятной реальности.

Примечания

1 Символический обмен, по Бурдьё, определяется не символическими системами, в рамках которых происходит взаимодействие, а отношениями капиталов, имеющих у участников взаимодействия и реализующихся в символической форме (см. концепцию символической власти Бурдьё).

2 Структурированная предрасположенность, или диспозиция, — термин, введённый Бурдьё для обозначения пассивного, заданного, предопределённого, сформированного структурой, то есть объективными социальными условиями.

3 Структурирующая предрасположенность — термин для обозначения активной способности вносить изменения в существующие структуры.

4 Термин «habitus» присутствует уже у Мосса. «Прошу Вас заметить, — писал Мосс, — что я говорю «habitus» на настоящей латыни, понятной во Франции. Слово это несравненно лучше, чем «привычка» (habitude), выражает «exis», навык» и «способность» к чему-либо в истолковании Аристотеля. Оно обозначает не те метафизические привычки и таинственную «память», о которых говорится в солидных томах или небольших и знаменитых диссертациях. Эти «привычки» варьируются не просто в зависимости от индивидов и их раздражательных действий, но главным образом в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах. Необходимо видеть техники и деятельность коллективного практического разума там, где обычно видят лишь душу и её способности к повторению». (Мосс М. Техники тела. // Человек, 1993, № 2. — с. 64–79). Употребление в переводе термина 'habitus' в смысле «кто», а не «что», то есть как субъекта, способного к осуществлению действия, как-то: habitus формирует, определяет, защищает себя, — это ещё одна стилистическая особенность, уходящая корнями в саму концепцию, подчёркивающая активный характер сформированного под влиянием социальных условий и среды habitus'a.

5 Opus operatum (лат.) — результат действия; modus operandi (лат.) — способ действия.

6 Имеется в виду магия слов или «перформативные высказывания» (performative utterance (см. Austin, How to Do Things with Words) — понятие, использованное Бурдьё в концепции символической власти (Bourdieu P, Language & Symbolic Power, Cambridge: Polity Press, 1991).

7 Hysteresis (лат.) — задержка.

8 Intuitus personae (лат.) — взгляд, точка зрения лица.

9 Зависимость какого нового восприятия от предшествующего жизненного опыта человека и его психологического состояния в момент восприятия (термин введён Лейбницем).

10 Имеется в виду идея трансцендентальной апперцепции Канта.

11 Структуралистская идея «difference» применяется Бурдьё в простраивании многообразия индивидуальных habitus'ов через структуру, задаваемую классовым habitus'ом. Тем самым он снимает «иллюзию коммунизма», заложенного, по его мнению, в структурализме, в частности у Соссюра, в том что язык представляется коллективным сокровищем, доступным всем (Bourdieu. 1991: Ch. 1).

12 См. описание у Э. Гидденса, с. 47 в: Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. — Новосибирск, 1995.

13 Например, стратегия поступления в университет, полагающая своим результатом получение образования (или диплома), в действительности воспроизводит принцип социальной иерархии и реализуется в той степени, в которой стратегия избирается трезво, то есть с учётом сложившегося соотношения ранга учебного заведения и собственных шансов, групповой принадлежности, компетенции.

14 См. обсуждение «агенсу» в связи с интенциональностью Э. Гидденса, с. 47–49 в: Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. — Новосибирск, 1995.

15 Inter alia (лат.) — между прочим, ко всему прочему.

16 Сравните с идеей Гидденса о протяжённости практик во времени и пространстве.

17 Amor fati (лат.) — любовь к судьбе, року.

18 Вместо habitus по смыслу и по грамматическому строю предложения можно подставить «субъект» или «агент», в том смысле, в котором эти термины употребляет Э. Гидденс. Тогда ещё очевиднее становится мысль: «предвидеть» — тождественно «помочь осуществить» (например, если все предвидят неудачный исход, вероятность удачи стремительно падает). Поэтому важно «не видеть стены», восставать против своего предвидения и предвидения других, вопрошать их очевидность.

Формы капитала

1983

Капитал, в зависимости от области, в которой он функционирует, и ценой более или менее серьёзных трансформаций, являющихся предпосылкой его эффективного действия в данной области, может выступать в трёх основных обликах: экономического капитала, который непосредственно и напрямую конвертируется в деньги и институционализируется в форме прав собственности; культурного капитала, который при определённых условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций; социального капитала, образованного социальными обязательствами («связями», connections), который при определённых условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован, например, в форме аристократического титула [1].

Культурный капитал

Культурный капитал может выступать в трёх состояниях: инкорпорированном состоянии (embodied state), то есть в форме длительных диспозиций ума и тела; объективированном состоянии (objectified state) — в форме культурных товаров (картин, книг, словарей, инструментов, машин и так далее), представляющих собой отпечаток или воплощение теорий или их критики, некоторого круга проблем и так далее; наконец, институционализированном состоянии (institutionalized state), то есть в форме объективации (её следует рассматривать отдельно, поскольку она, как будет видно на примере образовательных квалификаций, наделяет культурный капитал совершенно оригинальными свойствами, которые, как предполагается, тот сохраняет).

Инкорпорированное состояние (Embodied State)

Большую часть свойств культурного капитала можно вывести из того факта, что в своём основном состоянии он связан с телом (the body) и предполагает некое инкорпорирование (embodiment). Накопление культурного капитала в инкорпорированном состоянии, то есть в форме того, что называется культурой, культивированием (Bildung), предполагает процесс воплощения в телесные формы (em-bodiment), инкорпорирования. Поскольку этот процесс влечёт за собой усилия по освоению и ассимиляции, он требует затрат времени непосредственно самого инвестора. Подобно наращиванию физической мускулатуры или приобретению загара, это невозможно сделать через вторые руки (следовательно,

возможности делегирования полномочий здесь не работают).

Работа по приобретению подобных свойств — это работа над собой (самосовершенствование), предполагающая собственные усилия (*on paie de sa personne*, как мы говорим по-французски). Это инвестирование — прежде всего времени, но также и социально выстроенной формы влечения, *libido sciendi*, со всеми сопряжёнными с ней ограничениями, самоотречением и самопожертвованием. Отсюда следует, что наименее неточными измерениями культурного капитала являются те, которые в качестве стандарта избирают временную продолжительность приобретения искомых свойств, — конечно, при условии, что последняя не сводится к продолжительности обучения в школе, а принимается во внимание также и более раннее домашнее образование. Последнее может получать положительную оценку (как выигрыш времени, фора) или отрицательную оценку (попусту потраченное время, что вдвойне усугубляет ситуацию, ибо затем потребуется ещё больше времени для исправления последствий) — в зависимости от приближения к требованиям академического рынка [2].

Такой инкорпорированный капитал, внешнее богатство, превращённое в неотъемлемую часть личности, в *габитус*, не может мгновенно передаваться посредством акта дарения или наследования, покупки или обмена (в отличие от денег, прав собственности или даже аристократических титулов). Следовательно, использование или эксплуатация культурного капитала ставит определённые проблемы перед владельцами экономического или политического капиталов — будь то частные собственники или, если брать другую крайность, предприниматели, нанимающие исполнителей с определённой культурной квалификацией (не говоря уже о руководителях нового государства). Каким образом можно купить этот капитал, столь жёстко привязанный к человеку, не покупая при этом самого человека и, таким образом, теряя саму сущность легитимации, предполагающей имитацию зависимости? Каким образом можно концентрировать этот капитал (как этого требуют некоторые начинания) без концентрации его обладателей, которая способна привести ко всевозможным нежелательным последствиям?

Культурный капитал может быть приобретён — в различном объёме, в зависимости от периода времени, общества, социального класса — без какого бы то ни было его намеренного насаждения, то есть совершенно неосознанно. Он всегда несёт на себе отпечатки самых ранних условий своего приобретения, и эти более или менее видимые отпечатки (например, произношение, говорящее о принадлежности к определённому классу или региону) помогают определить его отличительные особенности. Его нельзя накопить независимо от способностей индивидуального агента к его приобретению; он угасает и умирает вместе со своим владельцем (вместе с его биологическими способностями, памятью и так далее). Тем самым, поскольку культурный капитал оказывается привязан множеством нитей к человеку в его биологической уникальности и передаётся по наследству (что происходит скрытым, даже невидимым образом), его не касается старое, глубоко укоренённое различие, которое проводили греческие правоведы между качествами наследуемыми (*ta patria*) и приобретёнными (*epikteta*) (то есть теми, которые индивид прибавляет к своему наследству). Таким образом, ему удаётся сочетать престиж унаследованных качеств с благоприобретёнными заслугами. В силу того, что социальные условия передачи и приобретения культурного капитала более скрыты, нежели условия

передачи и приобретения экономического капитала, культурный капитал предрасположен функционировать в качестве символического капитала, то есть оставаться непризнанным в качестве капитала и признаваться в качестве легитимной компетенции, в виде силы, влияющей на узнавание (или неузнавание). Это происходит, например, на матримониальном рынке и на всех рынках, где экономический капитал не получает полного признания — будь то вопросы культуры (когда речь идёт об известных художественных коллекциях или известных культурных фондах) или социального обеспечения (с хозяйственными практиками пожертвования и дарения). Более того, специфическая символическая логика различия (*distinction*) приносит дополнительную материальную и символическую прибыль обладателям крупного культурного капитала: любая культурная компетенция (*cultural competence*) (например, умение читать — в мире неграмотных) извлекает дефицитную ценность из своей позиции в распределении культурного капитала и приносит своему обладателю прибыль от различия. Иными словами, доля в прибыли, которую приносит дефицитный культурный капитал своим владельцам, в классовых обществах в конечном итоге определяется тем, что не все агенты располагают экономическими и культурными средствами для продолжения образования своих детей за пределами минимума, необходимого для воспроизводства рабочей силы, наиболее дешёвой на данный момент времени [3].

Таким образом, реальное действие капитала как средства присвоения продукта накопленного труда в объективированном состоянии, носителем которого выступает данный агент, зависит от формы распределения средств присвоения накопленных и объективно имеющихся ресурсов. Отношения присвоения между агентом и объективно имеющимися ресурсами (и, следовательно, прибылью, которую они производят) опосредованы отношениями конкуренции (объективной и/или субъективной) между данным агентом и другими обладателями капитала, претендующими на те же блага. В этих отношениях формируется ситуация дефицита, а через неё генерируется социальная ценность ресурсов. Структура поля, то есть неравное распределение капитала, определяет специфические последствия действия этого капитала, а именно: присвоение прибыли и способность навязывать законы функционирования данного поля, наиболее выгодные для капитала и его воспроизводства.

Однако наиболее влиятельный принцип символического действия культурного капитала, без сомнения, таится в логике его передачи. С одной стороны, процесс присвоения объективированного культурного капитала и время, необходимое для осуществления этого процесса, зависят главным образом от культурного капитала, инкорпорированного в семье в целом — помимо прочего посредством обобщённого эффекта Эрроу и всех форм его имплицитной передачи [4]. С другой стороны, первоначальное накопление культурного капитала (как условие быстрого и лёгкого накопления всех типов полезного культурного капитала) начинается сразу же, без задержки и напрасной траты времени только у детей в семьях с уже имеющимся мощным культурным капиталом. В этом случае период накопления охватывает весь период социализации. Отсюда вытекает, что передача культурного капитала, несомненно, является наиболее скрытой формой передачи капитала по наследству и, следовательно, обретает пропорционально больший вес в системе стратегий воспроизводства, тогда как прямые, видимые формы передачи капитала, как правило, более тщательно отслеживаются и контролируются.

Сразу же можно увидеть, что связь, устанавливаемая между экономическим и культурным капиталом, опосредуется временем, необходимым на их приобретение. Различия культурного капитала, которым обладают разные семьи, прежде всего предполагают различия в возрасте, с которого начинается труд по его передаче и накоплению. И предельным случаем здесь является использование всего биологически доступного времени, когда максимум свободного времени отдаётся приобретению максимального объёма культурного капитала. Затем эти различия культурного капитала выражаются в определённой нами выше способности удовлетворять специфическим культурным требованиям длительного процесса приобретения капитала. За этим (и в связи с этим) следует тот факт, что продолжительность времени, в течение которого данный индивид может продолжать процесс приобретения капитала, зависит от продолжительности свободного времени, обеспечиваемого ему семьёй, — времени, свободного от экономической необходимости, что является предпосылкой первоначального накопления капитала (в противном случае, это время может оцениваться как недостаток, который впоследствии придётся преодолевать).

Объективированное состояние (The Objectified State)

Культурный капитал в объективированном состоянии имеет ряд свойств, которые можно определить только относительно его самого в инкорпорированной форме. Культурный капитал, объективированный в материальных предметах и средствах (письменных документах, картинах, памятниках, инструментах и так далее) может передаваться материально. Например, коллекцию картин можно передавать точно так же, как и экономический капитал (или даже легче, ибо перевод капитала происходит в более скрытой форме). Однако здесь передаётся юридическое право собственности (legal ownership), а не то (или не обязательно то), что образует предпосылку данного особого типа присвоения — обладание средством «потребления» картины или использования машины, которые, являясь не чем иным, кроме как инкорпорированным капиталом, подчиняются тем же законам передачи капитала [5].

Таким образом, культурные блага могут приобретаться как материально (что предполагает наличие экономического капитала), так и символически (что предполагает наличие культурного капитала). Из этого следует, что владелец средств производства должен найти способ присвоения либо инкорпорированного капитала (который является условием данного специфического присвоения), либо услуг обладателей данного капитала. Для владения машинами индивиду требуется только экономический капитал; для их присвоения и использования в соответствии с их особым предназначением (определяемым инкорпорированным в них культурным капиталом научного или технического типа) он должен иметь доступ к инкорпорированному культурному капиталу — сам лично или через вторые руки. Это, несомненно, лежит в основе неоднозначного статуса персонала (менеджеров и инженеров). Если подчёркивается, что они не владеют (в узко экономическом смысле) средствами производства, которые используют, и что они получают

прибыль на свой культурный капитал, только продавая услуги и продукты, которые тот им предоставляет их следует относить к подчинённым группам (dominated groups). Если же подчёркивается, что они получают прибыль за счёт использования определённой формы капитала, то их следует относить к доминирующим группам (dominant groups). Есть все основания полагать, что по мере увеличения доли инкорпорированного в средствах производства культурного капитала (а вместе с ним и времени, необходимого для приобретения средств его присвоения) возрастает и коллективная сила его владельцев — при условии, что владельцы доминирующего, то есть экономического, капитала не сумели поставить обладателей культурного капитала в отношения взаимной конкуренции (более того, последние втягиваются в отношения конкуренции самими условиями их отбора и подготовки, в частности, логикой конкуренции в процессах получения образования и приёма на работу).

В своём объективированном состоянии культурный капитал демонстрирует все качества автономного, взаимосвязанного мира, который (хотя и является продуктом исторического действия) имеет собственные законы, превосходящие волю отдельных индивидов, и, следовательно (как это хорошо видно на примере языка), остаётся несводимым к тому, что может присвоить любой агент или группа агентов (то есть к культурному капиталу, инкорпорированному в отдельном агенте или группе агентов). Однако не следует забывать, что культурный капитал существует в символически и материально активной и эффективной форме только тогда, когда он присваивается агентами, воплощается и инвестируется как орудие, как средство борьбы на полях культурного производства (художественном, научном и так далее) и за их пределами — на полях, где действуют социальные классы: в борьбе, в которой агенты наделены определённой силой и получают прибыль пропорционально своему мастерству владения этим объективированным капиталом, а следовательно, пропорционально объёму своего инкорпорированного капитала [6].

Институционализированное состояние (The Institutionalized State)

Объективация культурного капитала в форме академических квалификаций является одним из путей нейтрализации некоторых его свойств, проистекающих из того факта, что, будучи инкорпорированным, он ограничен теми же биологическими рамками, что и его носитель. Подобная объективация и составляет основу того, что отличает капитал самоучки (который в любой момент может быть поставлен под сомнение) или даже культурный капитал придворного (способный приносить только неопределённую прибыль, ценность которой колеблется на рынке обменов высшего общества) от культурного капитала, санкционированного академическими средствами при помощи юридически гарантированных квалификаций, формально независимых от личности их обладателя. При наличии академической квалификации, сертификата о культурной компетенции, наделяющего своего владельца конвенциональной, непреходящей и юридически гарантированной ценностью по отношению к культуре, возникает социальное таинство,

которое порождает форму культурного капитала, относительно независимую от своего владельца и даже от самого культурного капитала, которым он распоряжается в данный момент времени. Культурный капитал институционализируется посредством коллективной магии — подобно тому, как, по словам М. Мерло-Понти, живые институционализируют умерших посредством траурных ритуалов. Достаточно лишь вспомнить о приёме на работу на конкурсных началах, когда из всего множества бесконечно малых различий в качестве исполнения работы выводятся жёсткие, абсолютные, устойчивые различия, отделяющие последнего из победивших кандидатов от первого проигравшего и институционализирующие сущностное различие между официально признанной, гарантированной компетентностью и просто культурным капиталом, которому постоянно требуется доказывать свои права. В этом случае очевидна перформативная магия сил институционализации (*performative magic of the power of insituting*), способности открыто и уверенно высказывать свои убеждения или навязывать признание.

Наделяя культурный капитал, которым обладает тот или иной агент, институциональным признанием, академическая квалификация также делает возможной сравнение квалификации его владельцев и даже их замены (последовательно замещая одного владельца другим). Более того, она позволяет установить пропорции обмена между культурным и экономическим капиталами посредством гарантирования денежной стоимости данного академического капитала [7]. Этот продукт превращения экономического капитала в культурный капитал устанавливает (в терминах последнего) ценность (*value*) владельца данной квалификации относительно других владельцев квалификаций и (посредством этой же операции) денежную стоимость (*value*), на которую её можно обменять на рынке труда (академические инвестиции не имеют смысла, если нет объективной гарантии подразумеваемого ими минимального уровня их обратной конвертации (*reversibility of the conversion*)). Поскольку материальная и символическая прибыль, которую гарантирует академическая квалификация, также зависит от дефицитности последней, то вложения (времени и сил) могут оказаться менее прибыльными, чем ожидалось в тот момент, когда они были произведены (может произойти фактическое изменение пропорций обмена между академическим и культурным капиталами). Стратегии конвертирования экономического капитала в культурный, выступающие в числе краткосрочных факторов образовательного бума и обесценения квалификаций, определяются изменениями в структуре шансов на получение прибыли, которые предлагаются различными типами капитала.

Социальный капитал

Социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью (*durable networks*) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе [8]. Последняя даёт своим членам опору в виде коллективного капитала (*collectively-owned capital*), «репутации» (*credential*), позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова. Эти отношения могут существовать только в практическом состоянии, в форме материального и/или символического обмена, который способствует их поддержанию. Они также могут быть оформлены социально

(socially Instituted) и гарантированы общим именем (именем семьи, класса, племени, школы, партии и так далее) или целым набором институционализирующих актов (instituting acts), призванных одновременно формировать и информировать тех, кто через них проходит; в этом случае они более или менее реально приводятся в действие, а затем поддерживаются и контролируются в процессе обмена. Будучи основанными на устойчивых (indissoluble) актах материального и символического обмена, возникновение и поддержание которых предполагает подтверждение близости (reacknowledgment of proximity), они также частично несводимы к объективным отношениям близости в физическом (географическом) или даже в данном экономическом и социальном пространстве [9].

Таким образом, объём социального капитала, коим располагает данный агент, зависит от размера сети связей, которые он может эффективно мобилизовать, и от объёма капитала (экономического, культурного или символического), которым, в свою очередь, обладает каждый из тех, кто с ним связан [10]. Это означает, что хотя социальный капитал относительно несводим к экономическому и культурному капиталам того или иного конкретного агента или даже группы связанных с ним агентов, он никогда не остаётся полностью независимым от этих форм капитала, поскольку обмены, порождающие взаимное признание, предполагают подтверждение некоторого минимума объективной однородности и поскольку он (социальный капитал) оказывает мультипликативное воздействие на капитал, которым уже обладает данный агент.

Прибыль, приносимая членством в группе, лежит в основе солидарности, которая делает возможным её получение [11]. Это не означает, что агенты сознательно преследуют цели получения прибыли как таковой, даже если речь идёт о клубах для избранных, организуемых именно для того, чтобы концентрировать социальный капитал, а в результате получать полную выгоду от мультипликативного эффекта концентрации и сохранять прибыль от членства в них (материальную — как, скажем, все виды услуг, которые приносят полезные знакомства, и символическую — например, прибыль от связи с редкой, престижной группой).

Существование сети связей не является естественной или даже социальной данностью, сконструированной раз и навсегда в результате первоначального акта институционализации (initial act of institution) и представленной (как в случае семейной группы) генеалогическим определением родственных связей, характеризующих то или иное социальное образование. Эти связи являются продуктом нескончаемой работы по институциональному оформлению, ключевые моменты которого обозначаются соответствующими обрядами институционализации (institution rites) (часто неверно описываемыми как обряды, связанные с изменением социального статуса). Сети связей необходимы для построения и воспроизведения длительных, полезных отношений, позволяющих сохранять материальную или символическую прибыль (см. Bourdieu 1982). Иными словами, сеть отношений является продуктом инвестиционных стратегий — индивидуальных или коллективных, сознательно или бессознательно нацеленных на установление или воспроизводство социальных отношений. Эти отношения могут непосредственно задействоваться в кратко- или долгосрочном периодах времени, когда происходит трансформация случайных связей (например, в случае отношений на рабочем месте, отношений соседства или даже родства) в связи, которые одновременно и

обязательны, и избирательны и предполагают длительные обязательства, ощущаемые на субъективном уровне (например, чувства благодарности, уважения, дружбы и так далее) или гарантированные институционально (права). Это происходит посредством таинства посвящения (*consecration*) — символического установления связи (*constitution*), производимого социальным институтом (представленным родственниками братом, сестрой, кузеном и так далее, или рыцарем, наследником, старейшиной и так далее). Эти связи бесконечно воспроизводятся в ходе и посредством обмена (дарами, словами, женщинами и так далее), который этот институт стимулирует и предопределяет, производя взаимное знание и признание. Обмен трансформирует обмениваемые предметы в знаки признания (*signs of recognition*) и воспроизводит данную группу посредством подразумеваемого им взаимного признания членов группы и признания членства в ней. Таким же образом переутверждаются границы группы — то есть границы, за пределами которых уже не может происходить конститутивный (порождающий связи) обмен (*constitutive exchange*) (торговля, совместные трапезы или свадьба).

Таким образом, каждый член группы получает институционально оформленное место как страж групповых границ: поскольку критерии вхождения в группу определяются применительно к каждому новому её члену, это может изменять группу, передвигая границы легитимного обмена посредством той или иной формы мезальянса. И совершенно логично, что в большинстве обществ подготовка и заключение браков является делом всей группы, а не только тех, кого он касается непосредственно. Введение новых членов в семью, клан или клуб влияет на определение группы в целом, на принятые в ней запреты, на её границы и идентичность, может подвергнуть группу переопределению, изменению, трансформации (*adulteration*). Когда в современных обществах семьи теряют монополию на осуществление обменов, которые могут вести к длительным отношениям (социально санкционированным, как браки, или не санкционированным), они могут сохранять контроль над этими обменами, оставаясь при этом в русле логики *laissez-faire* — свободного обмена. Это делается при помощи всех институтов, призванных поощрять легитимные и запрещать нелегитимные обмены посредством проведения специальных мероприятий (публичных собраний, круизов, охоты, вечеринок, приёмов и так далее), предоставления мест (в престижных жилых районах, элитных школах, клубах и так далее) или использования занятий (престижными видами спорта, проведения комнатных игр, культурных церемоний и так далее), которые объединяют (на первый взгляд, случайным образом) индивидов, чьи характеристики максимально близки друг другу по всем параметрам, имеющим значение для существования и выживания группы.

Воспроизводство социального капитала предполагает непрерывающуюся работу по установлению социальных связей (*sociability*), непрерывные серии обменов, в ходе которых признание постоянно утверждается и подтверждается. Эта работа, предполагающая затраты времени и сил, а следовательно (прямо или косвенно), и экономического капитала, не приносит прибыли и даже не замечается, пока она не подкрепляется особой компетенцией (знанием генеалогических и реальных связей, а также навыками их использования и так далее) и диспозицией к обретению и удержанию этой компетенции, которые сами являются неотъемлемыми частями данного капитала [12]. Это один из факторов, объясняющих, почему прибыльность труда по накоплению и поддержанию социального капитала увеличивается пропорционально общему размеру капитала.

Поскольку социальный капитал, проистекающий из тех или иных отношений, значительно больше в том случае, если человек — субъект данных отношений — богато наделён капиталом (прежде всего социальным, но также культурным и экономическим), то обладатели унаследованного социального капитала, символизируемого известным именем, могут превращать все свои случайные знакомства в продолжительные связи. Знакомства с ними ищут именно из-за принадлежащего им социального капитала, и в силу их известности считается важным знать их лично («Я хорошо его знаю»); таким людям нет необходимости «завязывать знакомства» со «случайными лицами»; их знает большее число людей, чем знают они сами, и их усилия по установлению социальных связей (*work of sociability*) оказываются высокопродуктивными.

Каждая группа имеет свои более или менее институционализированные формы делегирования прав (*delegation*), что позволяет ей концентрировать весь объём социального капитала, лежащего в основе существования группы (в первую очередь семьи или нации, но также ассоциации или партии), в руках одного агента или небольшой группы агентов и наделять их полномочиями представлять всю группу, полноправно действовать и выступать от её имени. Они, следовательно, могут при помощи подобного коллективного капитала реализовывать властные отношения, несопоставимые с личным вкладом агента. Таким образом, на самом элементарном уровне институционализации глава семьи, отец семейства, старейший, самый уважаемый её член негласно признается единственным человеком, наделённым правом говорить в официальных обстоятельствах от имени всей семьи. В этом случае передача прав требует, чтобы первые лица выходили вперёд и защищали честь всего коллектива, когда честь самых слабых его членов оказывается под угрозой. Институционализированное делегирование прав, обеспечивающее концентрацию социального капитала, также ограничивает последствия индивидуальных ошибок, чётко определяя границы ответственности и уполномочивая признанных представителей группы защищать её как целое от дискредитации путём исключения или отлучения индивидов, нарушающих установленный порядок.

Если сохранению и накоплению капитала, лежащего в основе группы, не угрожает внутренняя конкуренция за монополию её легитимного представительства, то члены группы должны регулировать условия доступа к праву объявлять себя таковым и, более того, называться представителем всей группы (делегатом, уполномоченным, выразителем мнения и так далее) и, тем самым, присваивать её социальный капитал. Аристократический титул представляет собой чистую форму институционализированного социального капитала, гарантирующего определённую форму длительных социальных отношений. Один из парадоксов делегирования прав состоит в том, что уполномоченный агент может осуществлять по отношению к группе (и до определённого момента против неё) ту самую власть, которую она позволяет ему сконцентрировать. (Возможно, в особенности это касается тех накладывающих ограничения ситуаций, когда уполномоченный агент формирует группу, которая, в свою очередь, создаёт его самого, но существует только при его посредстве.) Механизмы делегирования и репрезентации (и в театральном, и в юридическом смысле), которые становятся явными (и проявляются более сильно, когда группа большая, а её члены — слабы) в качестве одного из условий концентрации социального капитала (в силу того, что, помимо прочего, они позволяют многочисленным, разнообразным, рассеянным в пространстве агентам действовать в единстве, преодолевая

ограничения времени и пространства), заключают в себе также и элементы хищения (embezzlement) или незаконного присвоения (misappropriation) накопленного ими капитала.

Это хищение скрыто присутствует в том факте, что группа как целое может быть представлена (в различных смыслах этого слова) подгруппой, чётко определённой и совершенно очевидной для всех, всем известной, всеми признанной. Речь идёт о знати (nobiles), людях, «которых все знают», которые, будучи представлены посредством аристократической парадигмы, могут говорить и реализовывать властные отношения от имени всей группы. Представитель знати — это персонифицированная группа. Он носит имя группы, которой он сам даёт имя (метонимия, связывающая знать с её группой чётко прослеживается, когда Шекспир называет Клеопатру «Египтом», короля Франции — «Францией», а Расин называет Пирра «Эпиром»). Именно через этого человека, через его имя и провозглашаемые им различия становятся известными и признанными члены его группы, его вассалы, а также земли и замки. Аналогично, такие явления, как «культ личности», отождествление партий, профсоюзов или движений с их лидерами, незримо присутствуют в самой логике представительства. Всё складывается таким образом, чтобы обозначающий (signifier) занял место обозначаемого (signified), выразитель мнения группы — место группы, чьё мнение он должен выражать. Не в последнюю очередь это происходит потому, что отличие (представителя группы), его «особенность», его заметность образуют существенную часть (если не саму сущность) его власти, которая (всцело определяясь логикой знания и признания) в основе своей является властью символической. Это происходит также и потому, что представитель — знак, эмблема — может являть собой мир этой группы и создавать миры, эффективное социальное существование которых возможно [13] только в процессе представительства и при его посредстве.

Конвертации (Conversions)

Различные виды капитала могут проистекать из экономического капитала, однако это возможно только ценой более или менее серьёзных усилий по трансформации, необходимых для производства типа власти, которая была бы эффективной в рассматриваемом поле. Например, к одним товарам и услугам экономический капитал обеспечивает непосредственный доступ без каких бы то ни было вторичных затрат. Другие можно получить только при посредстве отношений социального капитала (или социальных обязательств), которые не могут возникать мгновенно в какой-то подходящий момент до тех пор, пока не сложатся и не будут поддерживаться в течение длительного времени — как бы являясь самоцелью (и, значит, не будучи привязанными к периоду своего использования). Это достигается ценой инвестиций в общение (sociability), которое с необходимостью является долгосрочным (так, задержка с уплатой долга — один из факторов превращения чистой формы простого долга в признание не конкретизируемого чувства обязанности по отношению к кому-либо, называемого благодарностью [14]). В отличие от циничной (но и экономической) прозрачности экономического обмена, в котором эквиваленты одновременно переходят из одних рук в другие, сущностная неоднозначность социального обмена, предопределяющая неузнавание (misrecognition) (иными словами, некоторую форму доброй или дурной веры, понимаемой как самообман), предполагает гораздо более тонкую экономику времени.

Одновременно следует отметить, что экономический капитал образует основу всех других типов капитала, что эти трансформированные, видоизменённые (и никогда полностью к нему не сводимые) типы экономического капитала оказывают собственное специфическое воздействие лишь в той степени, в какой они могут скрыть (в том числе и от своих обладателей) факт наличия в своей основе и в конечном счёте у истоков своего воздействия экономического капитала. Реальная логика функционирования капитала, превращения одного его типа в другой и движущий ими закон сохранения (conservation) нельзя понять без того, чтобы не преодолеть два противоположных (и в равной степени неполновесных) взгляда. На одной стороне находится экономизм, игнорирующий специфическое действие других типов капитала на том основании, что любой из них в конечном итоге сводится к экономическому капиталу. На другой стороне — семиологизм (ныне представленный структурализмом, символическим интеракционизмом и этнометодологией), сводящий социальные обмены к коммуникационным явлениям и игнорирующий жёсткий факт универсального сведения всех форм к экономическому основанию [15].

Согласно определённому принципу (эквивалентному принципу сохранения энергии), прибыль в одной области неизбежно оборачивается затратами в другой. Так что понятие пустых трат (wastage) лишено смысла в рамках общей науки о хозяйстве практик. Универсальный эквивалент, мера всех эквивалентностей есть не что иное, как время, затраченное на труд (в самом широком смысле); а сохранение социальной энергии во всех видах происходит, если в каждом случае мы принимаем во внимание рабочее время, как накопленное в форме капитала, так и необходимое для трансформации одного типа капитала в другой.

Так, например, было показано, что трансформация экономического капитала в социальный предполагает специфические трудовые затраты, то есть очевидно неоплачиваемые затраты времени, внимания, заботы, участия, которые (как это видно при попытке преподнести кому-то личный подарок) ведут к трансформации сугубо денежного понимания обмена и, тем самым, самого смысла обмена в целом. С узко экономических позиций эта попытка неизбежно рассматривается как совершенно бесполезная трата. Однако с точки зрения логики социального обмена — это серьёзная инвестиция, прибыль от которой в конечном итоге проявится в денежной или какой-то иной форме. Аналогично, если лучшей мерой культурного капитала, несомненно, является количество времени, посвящённого его приобретению, то это происходит потому, что трансформация экономического капитала в культурный предполагает затраты времени, возможные благодаря обладанию экономическим капиталом. Точнее, это происходит потому, что культурный капитал, который эффективно передаётся в рамках семьи, сам зависит не только от его величины (накапливаемой при помощи времени, имеющегося у домочадцев), но и от времени, которое можно использовать (в частности, в форме свободного времени матери) на его приобретение (при помощи экономического капитала, позволяющего покупать время других). Это обеспечивает передачу данного капитала и откладывает выход на рынок труда путём продолжения образования — вложения, приносящего плоды в лучшем случае в очень долгосрочной перспективе [16].

Возможность конвертации (convertability) различных типов капитала служит основой стратегий, направленных на обеспечение воспроизводства капитала (и позиции,

занимаемой его обладателем в социальном пространстве) посредством превращений, минимизирующих затраты и потери, с которыми сопряжено само превращение (при данном состоянии отношений социальной власти). Можно дифференцировать различные типы капитала в зависимости от их способности к воспроизводству или, точнее, в зависимости от того, насколько легко они передаются (то есть с какими затратами и насколько явно или скрыто). Объём затрат и степень открытости, как правило, изменяются в обратной пропорции. Всё, что помогает скрывать экономический аспект, как правило, также увеличивает риск потери (особенно в случае передачи капитала между поколениями). Таким образом, (кажущаяся) несоразмерность различных типов капитала ведёт к высокой степени неопределённости разных типов транзакций между их владельцами. Аналогично, провозглашаемый отказ от расчётов и гарантий, характеризующий обмены, нацеленные на производство социального капитала в форме более или менее долгосрочных обязательств (*obligations*) (обмены подарками, услугами, визитами и так далее), неизбежно влечёт за собой риск столкнуться с неблагодарностью, с отказом от признания негарантированных долгов, которые такой вид обмена призван породить. И соответственно, высокая степень скрытости в передаче культурного капитала имеет тот недостаток (в дополнение к свойственным ему рискам потери), что академическая квалификация — его институционализованный форма — может не передаваться (подобно аристократическому титулу) и не являться предметом договорённости (подобно акциям или паям). Точнее, культурный капитал, рассеянный, непрерывный процесс передачи которого внутри семьи осуществляется без наблюдения и контроля (в результате чего кажется, что образовательная система одаривает своими наградами исключительно на основании природных способностей) и который всё чаще достигает своего наиболее действенного состояния (по крайней мере, на рынке труда), только когда он валидирован образовательной системой, то есть когда он превращён в капитал квалификаций, — является предметом более скрытой, но и более рискованной формы передачи, чем экономический капитал. Когда образовательная квалификация, наделённая силой официального признания, становится условием легитимного доступа ко всё большему числу позиций, особенно доминирующих, образовательная система все в большей степени стремится лишить семью (*domestic group*) монополии на передачу власти и привилегий, а также, помимо прочего, и возможности выбора своих законных наследников из числа детей разного пола и данного при рождении статуса [17]. А сам экономический капитал порождает совершенно другие проблемы своей передачи — в зависимости от конкретной формы, которую он принимает. Так, согласно Р. Грассби, ликвидность торгового капитала, которая обеспечивает непосредственную экономическую власть и благоприятствует его передаче, одновременно делает его позиции и более уязвимыми, чем позиции земельной собственности (или даже недвижимости), и не способствует созданию «длинных» династий (Grassby 1970).

Поскольку вопрос спорности присвоения встаёт наиболее остро именно в процессе передачи капитала (особенно в момент смены владельца — то есть в момент, критический для любой власти), всякая стратегия воспроизводства одновременно является и стратегией легитимации, нацеленной на признание (*consecrating*) как эксклюзивного присвоения, так и его воспроизводства. Когда сокрушительная критика позиций доминирующего класса (и принципов поддержания этих позиций), подчёркивающая произвольность передаваемых

титолов и самого процесса их передачи (например, критика философов эпохи Просвещения, объяснявших произвольность данного при рождении статуса и его несоответствие естественным законам), инкорпорирована в институционализированных механизмах (например, законах наследования), нацеленных на контролирование официальной, прямой передачи власти и привилегий, владельцы капитала как никогда заинтересованы в том, чтобы обратиться к стратегиям воспроизводства, которые могут обеспечить более скрытую его передачу, используя для этого возможность взаимной конвертации различных типов капитала, хотя бы и ценой большей его потери. Таким образом, чем более затруднена официальная передача капитала, чем больше препятствий она встречает, тем более важными для воспроизводства социальной структуры оказываются последствия его скрытого оборота в форме культурного капитала. Границы образовательной системы как инструмента воспроизводства, способного скрывать собственную функцию, как правило, расширяются, а вместе с этим возрастает и степень унификации рынка социальных квалификаций, дающих право занимать редкие позиции.

Примечания

1 Символический капитал — как капитал в любой его форме, представляемой (то есть воспринимаемой) символически в связи с неким знанием или, точнее, узнаванием или неузнаванием — предполагает влияние габитуса как социально сконструированной когнитивной способности.

2 Данная гипотеза не предполагает признания ценности академических вердиктов; она просто фиксирует связь, существующую в реальности между определённым культурным капиталом и законами образовательного рынка. Диспозиции, которые получают отрицательную оценку на образовательном рынке, могут быть очень высоко оценены на других рынках и, конечно, играть важную роль во внутриклассовых отношениях.

3 В относительно не дифференцированном обществе, в котором доступ к средствам присвоения культурного наследия распределён достаточно равномерно, инкорпорированная культура не выступает в качестве культурного капитала, то есть в качестве средства приобретения эксклюзивных преимуществ.

4 То, что я называю обобщённым эффектом Эрроу, фиксирует тот факт, что все культурные блага (картины, памятники, машины и любые предметы, созданные руками человека, в особенности те, что связаны с миром детства) оказывают обучающее воздействие самим своим существованием. Без сомнения, этот эффект является одним из структурных факторов, стоящих за «образовательным бумом» (schooling explosion) — в том смысле, что количественный рост культурного капитала, накопленного в объективированном состоянии, усиливает образовательное воздействие, автоматически оказываемое средой. Если к этому добавить тот факт, что инкорпорированный культурный капитал постоянно возрастает, можно заметить, что в каждом новом поколении образовательная система подразумевает всё больший объём составляющих. То, что тот же самый объём инвестиций в образование оказывается всё более производительным, является одним из структурных факторов обесценения (инфляции) квалификаций (наряду с циклическими факторами, связанными с

последствиями конвертации капитала, capital conversion).

5 Культурный объект (как функционирующий социальный институт) одновременно является и социально оформленным (socially Instituted) материальным объектом и особым классом габитуса, которому он адресован. Материальный объект (например, произведение искусства в его материальной форме) может быть отделён пространством (например, догонская статуя) или временем (например, картина Симоне Мартини) от габитуса, на который он ориентирован. Это ведёт к одному из самых серьёзных искажений в истории искусств. Понимание воздействия (effect) (его не следует путать с функцией), которое данное произведение имело целью произвести (например, тип веры, которую оно предполагало вызвать) и которое является истинной основой сознательного или неосознанного выбора применённых средств (манеры письма, цветовой гаммы и так далее) и, следовательно, самой формы, возможно только в том случае, если мы, по меньшей мере, зададимся вопросом о габитусе, на основе которого оно «действует».

6 Диалектические взаимосвязи между объективированным культурным капиталом (основной формой которого являются письменные тексты) и инкорпорированным культурным капиталом, как правило, сводились к экзальтированным описаниям деградации духа письменного слова: как живость сменялась вялостью, творчество — рутиной, изящество слога — тяжеловесностью.

7 Это особенно заметно во Франции, где во многих видах профессиональной деятельности (особенно на государственной службе) наблюдается очень жёсткая зависимость между квалификацией, рангом и вознаграждением (прим. пер. английского издания).

8 И здесь понятие социального капитала также не выведено путём простого теоретизирования и ещё в меньшей степени — на основе расширенной аналогии экономических понятий. Оно сложилось в результате необходимости выявить принцип социальных воздействий, которые несводимы к набору свойств, принадлежащих данному агенту на индивидуальном уровне (хотя их и легко заметить на уровне отдельных агентов, на котором проводятся статистические исследования). Эти воздействия, в которых спонтанная социология с готовностью признает работу «связей» (connections), особенно заметны в тех случаях, когда различные индивиды получают слишком неравные прибыли при практически равном капитале (экономическом или культурном), — в зависимости от степени, в какой они способны мобилизовать капитал через свою близость к группе (семье, выпускникам элитной школы, клубам для избранных, аристократии и так далее), как таковой более или менее сложившейся и более или менее богатой этим капиталом.

9 Конечно, соседские отношения могут принимать элементарную форму институционализации — как в Беарне или стране басков, где соседи, lous basis (слово, которым в старинных текстах обозначаются законные обитатели деревни, полноправные члены ассамблеи), чётко определены в соответствии с ясно кодифицированными правилами и где им согласно их рангу («первый сосед», «второй сосед» и так далее) отводятся дифференцированные функции, особенно в важных социальных церемониях (на похоронах, свадьбах и так далее). Однако даже в этом случае реальные отношения ни в коей мере не совпадают с социально оформленными отношениями.

10 Манеры (умение держать себя, произношение и так далее) могут быть включены в социальный капитал, поскольку, указывая на способ своего приобретения, они свидетельствуют об изначальном членстве в более или менее престижной группе.

11 Национальные освободительные движения или националистические идеологии нельзя объяснять, ссылаясь на сугубо экономические мотивы, — ожидание прибыли, которую может принести перераспределение доли богатства в пользу граждан (национализация) и восстановление высокооплачиваемых рабочих мест (см. Breton 1962). К этой специфически экономической ожидаемой выгоде (способной объяснить лишь национализм привилегированных классов) следует добавить совершенно реальную и непосредственную прибыль, которую приносит членство в определённой группе (социальный капитал). Она пропорционально более велика для групп, находящихся на более низких ступенях социальной иерархии («бедных белых» (poor whites)) или, точнее для тех, кому грозит экономическое и социальное падение.

12 Есть все основания полагать, что общение (socializing) или (в более общем виде, на уровне отношений) диспозиции в очень разной мере присущи социальным классам, а в рамках того или иного класса — группам разного происхождения.

13 Само собой очевидно, что социальный капитал настолько всецело подчинён логике знания и признания, что всегда функционирует как символический капитал.

14 Чтобы избежать возможного недопонимания, следует пояснить, что рассматриваемое инвестирование вовсе не обязательно воспринимается как расчётливая погоня за выгодой. Есть высокая вероятность того, что оно будет восприниматься согласно логике эмоционального инвестирования, то есть как действие, одновременно неизбежное и бескорыстное. Это не всегда понималось историками (даже такими внимательными к символическим воздействиям, как Э. П. Томпсон, E. P. Thompson), которые склонны рассматривать символические практики — напудренные парики и все атрибуты службы — как явные стратегии доминирования, имеющие целью преподнести себя (тем, кто стоит ниже) и представить щедрое или филантропическое поведение в качестве «расчётливых актов классовых уступок». Эти наивные рассуждения в духе Макиавелли упускают из виду то, что самые искренние, бескорыстные акты вполне могут соответствовать объективному интересу. Некоторые поля, особенно те, в которых более всего отрицают личный интерес и всякие формы расчёта (например, поля культурного производства), полностью признают (и вместе с признанием осуществляют акт (институционального) посвящения, гарантирующий успех) только тех, чьё инвестирование адекватно данному полю и служит сигналом искренней преданности его основополагающим принципам. Было бы совершенно неверно описывать выбор габитуса, который определяет истинное место художника, писателя или исследователя (предмет, стиль, манеру и так далее), с точки зрения рациональной стратегии и циничного расчёта. И это несмотря на тот факт, что, например, смену жанра, школы или специальности, квазирелигиозные переходы (совершаемые «со всею искренностью») можно интерпретировать как конвертацию капитала, направление и время совершения которой (а от них часто и зависит успех) определяются «чувством инвестирования», — чем более развитым (skillful), тем менее воспринимаемым в качестве такового. Наивность — это привилегия тех, кто чувствует себя в своём поле как рыба в воде.

15 Чтобы понять привлекательность данной пары противоположных позиций (каждая из которых служит оправданием для существования), требуется проанализировать неосознаваемую прибыль и прибыль неосознавания, которую они приносят интеллектуалам. Кто-то обнаружит для себя в экономизме средство обретения собственной свободы путём нивелирования роли культурного капитала и всех связанных с ним специфических видов прибыли, которые этот вид капитала приносит доминирующему классу; в то время как другие могут избегать отталкивающей сферы экономического (где всё напоминает о том, что их могут оценить, причём, в конечном итоге, в экономических терминах) в пользу символической сферы. (Последние просто воспроизводят в царстве символического свою стратегию, посредством которой интеллектуалы и художники пытаются заставить признать свои ценности (а тем самым, и свою собственную ценность), переворачивая закон рынка, согласно которому то, что человек имеет или зарабатывает, целиком определяет то, чего он стоит и чем является. Это показывает практика работы банков (например, такие операции, как персонализированная выдача кредита), когда выдача ссуд и фиксирование процентных ставок предваряются тщательным изучением нынешних и будущих ресурсов заёмщика.

16 Среди преимуществ, которые приносит капитал во всех своих видах, наиболее ценным является всё увеличивающийся объём полезного времени; это становится возможным благодаря различным методам присвоения в форме услуг времени других людей. Данное преимущество может проявляться либо в форме увеличения продолжительности свободного времени (появляющегося за счёт сокращения времени на производство средств существования членов домохозяйства), либо в форме более интенсивного использования этого времени. В результате последнее потребляется через обращение к труду других людей (или к средствам и методам, имеющимся только у тех, кто потратил своё время, обучаясь их использованию), что позволяет экономить время — так же, как это происходит в случае более удобного транспортного сообщения или расположения жилья поблизости от места работы (Противоположный пример — сбережение денег бедняками: они расплачиваются за него своим временем — что-то делают своими руками, покупают вещи на распродажах и так далее). Ни то, ни другое не относится к экономическому капиталу; именно обладание культурным капиталом позволяет извлекать большую прибыль не только из времени труда (labor-time) (путём повышения его отдачи за единицу времени), но и из свободного времени, тем самым наращивая одновременно и экономический, и культурный капитал.

17 Нет нужды объяснять, что доминирующие группы (fractions), которые, как правило, придают большее значение инвестициям в образование в рамках общей стратегии диверсификации активов и инвестиций, призванной соединить безопасность с высокой отдачей, располагают множеством путей избежать школьных вердиктов (scholastic verdicts). Прямая передача экономического капитала остаётся одним из основных средств воспроизводства, и воздействие социального капитала («дружеское участие», «закулисные игры», «приятельские связи»), как правило, корректирует воздействие академических санкций. Образовательные квалификации никогда не функционируют так же гладко, как денежные единицы. Они никогда полностью не отделимы от своего владельца: их ценность увеличивается пропорционально ценности владельца, причём особенно это касается наиболее гибких областей социальной структуры.

Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение

1990

Социология должна действовать исходя из того, что человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами, конституированными как таковые в отношении и через отношение с социальным пространством, точнее с полями. Как тела и биологические индивиды, они (человеческие существа. — Прим. пер.) помещаются, так же как и предметы, в определённом пространстве (они не обладают физической способностью вездесущности, которая позволяла бы им находиться одновременно в нескольких местах) и занимают одно место. Место, *topos*, может быть определено абсолютно, как то, где находится агент или предмет, где он «имеет место», существует, короче, как «локализация», или же относительно, релятивно, как положение, ранг в порядке. Занимаемое место может быть определено как площадь, поверхность и объём, который занимает агент или предмет, его размеры или, ещё лучше, его габариты (как иногда говорят о машине или мебели). Однако физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство — по взаимоисключению (или различению) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций. Социальные агенты, а также предметы, присвоенные агентами и, следовательно, конституированные как собственность, помещены в некое место социального пространства, которое может быть охарактеризовано через его относительное положение по сравнению с другими местами (выше, ниже, между и тому подобное) и через дистанцию, отделяющую это место от других. На самом деле, социальное пространство стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство с помощью удаления или депортации некоторых людей — операций неизбежно очень дорогостоящих.

Структура социального пространства проявляется, таким образом, в разнообразных контекстах как пространственные оппозиции обитаемого (или присвоенного) пространства, функционирующего как некая спонтанная метафора социального пространства. В иерархически организованном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальные дистанции в более или менее

деформированном, а главное, в замаскированном виде вследствие действия натурализации, вызывающей устойчивое отнесение социальных реальностей к физическому миру. Различия, произведённые посредством социальной логики, могут, таким образом, казаться рождёнными из природы вещей (достаточно подумать об идее «естественных границ»).

Так, разделение на две части внутреннего пространства кабийского дома, которое я детально анализировал ранее [1], несомненно, устанавливает парадигму любых делений разделяемой площади (в церкви, в школе, в публичных местах и в самом доме), в которые переводится снова и снова, хотя всё более скрытым образом, структура разделения труда между полами. Но можно с таким же успехом проанализировать структуру школьного пространства, которое в различных его вариантах всегда стремится обозначить выдающееся место преподавателя (кафедру), или структуру городского пространства. Так, например, пространство Парижа представляет собой помимо основного обратного преобразования экономических и культурных различий в пространственное распределение жилья между центральными кварталами, периферийными кварталами и пригородом, ещё и вторичную, но очень заметную оппозицию «правого берега» «левому берегу», соответствующую основополагающему делению поля власти, главным образом, между искусством и бизнесом.

Здесь можно видеть, что социальное деление, объективированное в физическом пространстве, как я показывал ранее, функционирует одновременно как принцип видения и деления, как категория восприятия и оценивания, короче, как ментальная структура. И можно думать, что именно посредством такого воплощения в структурах присвоенного физического пространства неслышные приказы социального порядка и призывы к негласному порядку объективной иерархии превращаются в системы предпочтений и в ментальные структуры. Точнее говоря, неощутимое занесение в тело структур социального порядка, несомненно, осуществляется в значительной степени с помощью перемещения и движения тела, позы и положения тела, которые эти социальные структуры, конвертированные в пространственные структуры, организуют и социально квалифицируют как подъём или упадок, вход (включение) или выход (исключение), приближение или удаление по отношению к центральному и ценному месту (достаточно подумать о метафоре «очага», доминирующей точки кабийского дома, которую Хальбвакс натуральным образом подыскал, чтобы говорить об «очаге культурных ценностей»). Я думаю, например, об уважительной поддержке, к которой апеллируют величие и высота (например, памятника, эстрады или трибуны), или ещё о противостоянии произведений скульптуры и живописи или, более утончённо, обо всех проявлениях в поведении знаков уважения и реверансов, которые негласно предписывает простая социальная квалификация в пространстве (почётное место, первенство и тому подобное) и любые практические иерархии областей пространства (верхняя часть/нижняя часть, благородная часть/постыдная часть, авансцена/кулисы, фасад/задворки, правая сторона/левая сторона и другие).

Присвоенное пространство есть одно из мест, где власть утверждается и осуществляется, без сомнения, в самой хитроумной своей форме — как символическое или незамечаемое насилие: архитектурные пространства, чьи бессловесные приказы адресуются непосредственно к телу, владеют им совершенно так же, как этикет дворцовых обществ,

как реверансы и уважение, которое рождается из отдалённости (*e longinquo reverentia*, как говорит латынь), точнее, из взаимного отдаления на почтительную дистанцию. Эти архитектурные пространства несомненно являются наиболее важными составляющими символичности власти, благодаря самой их незаметности (даже для самих аналитиков, часто привязанных, так же как историки после Шрамма, к наиболее видимым знакам, к скипетрам и коронам). Социальное пространство, таким образом, вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур. Например, как я уже писал, противопоставление «левого берега» Сены под которым сегодня практически понимаются и предместья) «правому берегу», которое отражается на картах и в статистических обзорах (о публике, посещающей театры, или об особенностях художников, выставляемых в галереях на том и другом берегу), представлено «в головах» потенциальных зрителей, но также и в головах авторов театральных пьес или художников и критиков в виде оппозиций, функционирующих как категории восприятия и оценивания: оппозиция театра авангарда и поиска театру бульварному, конформистскому, повторяющемуся; публики молодой публике старой, буржуазной; или кино как искусству и эксперименту залам с исключительным правом показа некоторых фильмов и так далее.

Как можно видеть, нет ничего более сложного, чем выйти из овеществлённого социального пространства, чтобы осмыслить его именно в отличие от социального пространства. И это тем более верно, что социальное пространство как таковое предрасположено к тому, чтобы позволять видеть себя в форме пространственных схем, а повсеместно используемый для разговоров о социальном пространстве язык изобилует метафорами, заимствованными из физического пространства. Таким образом, нужно начинать с определения чёткого различия между физическим и социальным пространствами, чтобы затем задаться вопросом, как и в чём локализация в определённой точке физического пространства (неотделимая от точки зрения) и присутствие в этой точке могут принимать вид имеющегося у агентов представления об их позиции в социальном пространстве, и через это — самой их практики.

Социальное пространство — не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нём более или менее полно и точно. Это объясняет то, что нам так трудно осмысливать его именно как физическое. То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально размеченным и сконструированным. Физическое пространство не может мыслиться в таком своём качестве иначе, как через абстракцию (физическая география), то есть игнорируя решительным образом всё, чему оно обязано, являясь обитаемым и присвоенным. Иначе говоря, физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии (как, например, кабийский дом или план города), объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений.

Социальное пространство — абстрактное пространство, конституированное ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и другие), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала; оно может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как средства и цели борьбы в различных полях (то, что в «Различении» [2] обозначалось как общий объём и структура капитала). Реализованное

физически социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически (как тела, привязанные к постоянному месту: закреплённое место жительства или главное место обитания) и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг (в зависимости от имеющегося у них капитала, а также от физической дистанции, отделяющей от этих благ, которая сама в свою очередь зависит от их капитала). Такое двойное распределение в пространстве агентов как биологических индивидов и благ определяет дифференцированную ценность различных областей реализованного социального пространства.

Распределения в физическом пространстве благ и услуг, соответствующих различным полям, или, если угодно, различным объективированным физически социальным пространствам, стремятся наложиться друг на друга, по меньшей мере приблизительно: следствием этого является концентрация наиболее дефицитных благ и их собственников в определённых местах физического пространства — Пятая авеню или улица Фобур де Сент-Оноре, противостоящих во всех отношениях местам, объединяющим в основном, а иногда — исключительно, самых обездоленных (гетто). (Улица Фобур де Сент-Оноре — одна из достопримечательностей Парижа. На ней представлены магазины и бутики всех больших и дорогих марок и известных законодателей моды. — Прим. пер.). Эти места представляют собой ловушки для исследователя, поскольку, принимая их как таковые, неосторожный наблюдатель (например, имеющий целью проанализировать характерную символику торговли предметами роскоши на Мэдисон-авеню и на Пятой авеню, употребление имён собственных или нарицательных, заимствованных из французского, использование благородного удваивания имени основателя профессии, упоминание предшественников и тому подобное) обрекает себя на субстантивистский и реалистический подход, упуская главное: каким образом Мэдисон-авеню, улица Фобур де Сент-Оноре объединяют продавцов картин, антикваров, дома «высокой моды», модельеров обуви, художников, декораторов и тому подобным — всё то множество коммерческих предприятий, которые в целом занимают высокие (следовательно, гомологичные друг другу) позиции каждый в своём поле (или социальном пространстве) и которые не могут быть поняты в самой своей специфике, начиная с названий, иначе как в связи с коммерческими предприятиями, принадлежащими тому же полю, но занимающими другие области парижского пространства. Например, декораторы с улицы Фобур де Сент-Оноре противопоставляются (прежде всего, по своему благородному имени, но и по всем свойствам, природе, качеству и ценам предлагаемой продукции, социальным качествам клиентуры и тому подобное) тем, кого в Фобур Сент-Антуан называют столярами-краснодеревщиками; модельеры причёсок поддерживают подобные отношения с простыми парикмахерами, модельеры обуви — с сапожниками и так далее. В той мере, в какой оно лишь концентрирует позитивные полюса из всех полей (так же, как гетто собирает все негативные полюса), это пространство не содержит истину в себе самом. То же относится и к столице (*la capitale*), которая — по меньшей мере во Франции — является местом капитала (*le capital*), то есть местом в физическом пространстве, где сконцентрированы высшие позиции всех полей и большая часть агентов, занимающих эти доминирующие позиции. Следовательно, столица не может мыслиться иначе, как в отношении с провинцией, которая не располагает ничем иным, кроме лишения (относительного) и столичности, и капитала.

Генезис и структура присвоенного физического пространства

Пространство, точнее, места и площади овеществлённого социального пространства или присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью и своей ценностью тому, что они суть цели борьбы, происходящей в различных полях, в той мере, в какой они обозначают или обеспечивают более или менее решительное преимущество в этой борьбе. Способность господствовать в присвоенном пространстве, главным образом за счёт присвоения (материально или символически) дефицитных благ, которые в нём распределяются, зависит от наличного капитала. Капитал позволяет держать на расстоянии нежелательных людей и предметы и в то же время сближаться с желательными людьми и предметами, минимизируя таким образом затраты (особенно времени), необходимые для их присвоения. Напротив, тех, кто лишён капитала, держат на расстоянии либо физически, либо символически от более дефицитных в социальном отношении благ и обрекают соприкоснуться с людьми или вещами наиболее нежелательными и наименее дефицитными. Отсутствие капитала доводит опыт конечности до крайней степени: оно приковывает к месту. И наоборот, обладание капиталом обеспечивает, помимо физической близости к дефицитным благам (место жительства), присутствие как бы одновременно в нескольких местах благодаря экономическому и символическому господству над средствами транспорта и коммуникации (которое часто удваивается эффектом делегирования — возможностью существовать и действовать на расстоянии через третье лицо). Возможности доступа или присвоения, как мы уже видели, определяются через отношение между пространственным распределением агентов, взятых нераздельно как локализованные тела и как владельцы капитала, и распределением свободных в социальном отношении благ или услуг. Отсюда следует, что структура пространственного распределения власти, иначе говоря, прочно и легитимно присвоенные свойства и агенты, наделённые неравными возможностями доступа к благам или их присвоению, как материальному, так и символическому, представляет собой объективированную форму состояния социальной борьбы за то, что можно назвать пространственными прибылями.

Эта борьба может принимать индивидуальные формы: пространственная мобильность, внутри межпоколенная — перемещения в обоих направлениях, например, между центром (столицей) и провинцией или между последовательными адресами внутри иерархически организованного пространства столицы — представляет собой хороший показатель успеха или поражения, полученного в этой борьбе, и более широко, всей социальной траектории (при условии понимания, что агенты разного возраста и с разной социальной траекторией, так же как, например, молодые управляющие кадры высшего звена и пожилые кадры среднего звена, могут временно сосуществовать на одних и тех же постах, и равным образом они могут оказаться, тоже лишь временно, соседями по месту жительства). Борьба за пространство может осуществляться и на коллективном уровне, в частности, через политическую борьбу, которая разворачивается, начиная с государственного уровня — политика жилья, и до муниципального уровня, а именно посредством строительства и предоставления социального жилья или через выбор коммунального оснащения. Борьба

может идти, исходя из целей формирования однородных групп на пространственной основе, то есть за социальную сегрегацию, которая есть одновременно причина и результат исключительного обладания пространством и оснащением, необходимым для группы, занимающей это пространство, и для её воспроизводства. (Пространственное господство — одна из привилегированных форм осуществления господства, а манипулирование распределением групп в пространстве всегда служило манипулированию группами; можно, в частности, сослаться на использование пространства, практикующееся при различных формах колонизации,).

Пространственные прибыли могут принимать форму прибылей локализации, которые в свою очередь могут быть подвергнуты рассмотрению в двух классах. Во-первых, рента от положения, которая связывается с фактом нахождения рядом с дефицитными или желательными вещами (благами или услугами, такими как образовательное, культурное или санитарное оснащение) и с агентами (определённое соседство, приносящее выгоды от спокойной обстановки, безопасности и другие) или вдали от нежелательных вещей или агентов. Во-вторых, прибыли позиции или ранга (как те, что обеспечиваются престижным адресом) — частный случай символических прибылей от отличия, которые связываются с монопольным владением отличающей собственностью. (Физические расстояния, которые можно измерить пространственными мерками или, лучше, временными мерками, по длительности времени, необходимого для перемещения в зависимости от доступности средств общественного или частного транспорта, иначе говоря, власть, которую капитал в его различных видах даёт над пространством, есть также власть над временем.) Они могут затем принимать форму прибылей от занимаемого пространства (или от габаритов), то есть от обладания физическим пространством (обширные парки, большие квартиры и тому подобное), которые могут стать способом сохранения разного рода дистанции от нежелательного вторжения (это «радующие взор виды» английской усадьбы, которые, как отмечал Раймонд Уильямс в «Town and Country», превращают сельскую местность и её крестьян в пейзаж для убажания владельца, а «нефотогеничные ракурсы» — в рекламу по недвижимости). Одно из преимуществ, которое даёт власть над пространством, — возможность установить дистанцию (физическую) от вещей и людей, стесняющих или дискредитирующих, в частности, через навязывание столкновений, переживаемых как скученность, как социально неприемлемая манера жить или быть, или даже через захват воспринимаемого пространства — визуального или аудио — представлениями или шумами, которые, в силу их социальной маркированности и негативной оценки, неизбежно воспринимаются как вмешательство или даже агрессия.

Место обитания, как социально квалифицированное физическое место, предоставляет усреднённые шансы для присвоения различных материальных и культурных благ и услуг, имеющих в распоряжении в данный момент. Шансы специфицируются для различных обитателей этой зоны по материальным (деньги, частный транспорт и другие) и культурным способностям присваивать, имеющимся у каждого агента (прислуга испанка из XVI округа Парижа не имеет тех же возможностей присвоить себе блага и услуги, предлагаемые данным округом, что есть у её хозяина (XVI округ Парижа — округ Булонского леса — район поселения богатых буржуазных семей. — Прим. пер.). Можно физически занимать жилище, но, собственно говоря, не жить в нём, если не располагаешь негласно требующимися средствами, начиная с определённого габитуса. Такое положение у тех алжирских семей,

которые, перебираясь из трущоб в район HLM (HLM — habitation a loyer modere — большие дома, построенные местной администрацией и предназначенные для семей с низким доходом; социальное муниципальное жильё. — Прим. пер.) обнаруживают, что против всех ожиданий они «сражены» новым, столь долгожданным жилищем, не имея возможности выполнить требования, которые оно негласно заключает в себе, например, необходимость финансовых средств на покрытие вновь появившихся расходов на газ, электричество, а также транспорт, оборудование и другие), но ещё всем стилем жизни, в частности, женщин, который обнаруживается в глубине с виду универсального пространства: начиная с необходимости и умения сшить шторы и кончая готовностью жить свободно в неизвестном социальном окружении.

Короче говоря, габитус [habitus] формирует место обитания [habitat] посредством более или менее адекватного социального употребления этого места обитания, которое он [габитус] побуждает из него делать. Мы подходим, таким образом, к тому, чтобы поставить под сомнение веру в то, что пространственное сближение или, более точно, сожитительство сильно удалённых в социальном пространстве агентов может само по себе иметь результатом социальное сближение или, если угодно, — распад. В самом деле, ничто так не далеко друг от друга и так не невыносимо, как социально далёкие друг другу люди, которые оказались рядом в физическом пространстве. И нужно ещё задаться вопросом об игнорировании (активном или пассивном) социальной структуры пространства обитания и ментальных структур его предполагаемых обитателей, которое направляет стольких архитекторов поступать так, как если бы они были в силах навязать социальное употребление здания и оснащения, на которые они проецируют собственные ментальные структуры, иначе говоря, те социальные структуры, продуктом которых являются их ментальные структуры.

Можно привести пример семей, которые чувствуют себя или на самом деле находятся не на месте в предоставленном им пространстве: всякий раз подвергаешься опасности, когда проникаешь в пространство, не выполнив всех требований, которые оно негласно предъявляет своим обитателям. Условием может быть обладание определённым культурным капиталом — истинной платой за вход, которая может воспрепятствовать реальному присвоению благ, называемых общественными, или самому желанию их присвоить. Очевидно, что здесь имеются в виду музеи, но это относится и к услугам, произвольно принимаемым за наиболее универсально необходимые (например, медицинские или юридические учреждения), или такие, что предлагают учреждения, организованные для обеспечения большего доступа к ним (социальное страхование и различные виды бесплатной помощи). Можно ценить Париж за его экономический капитал, а можно и за его культурный и социальный капиталы, однако недостаточно войти в Бобур, чтобы присвоить культурные ценности музея современного искусства; нельзя даже быть уверенным в том, что необходимо и достаточно войти в залы, посвящённые искусству модерна (очевидно, так делают не все посетители), чтобы сделать открытие, что недостаточно туда войти, чтобы ими овладеть... (Бобур — культурный центр имени Жоржа Помпиду, в котором располагаются музей современного искусства, библиотека, галереи и выставочные залы, кинотеатры и так далее. — Прим. пер.)

Помимо экономического и культурного капиталов, некоторые пространства, в частности, наиболее закрытые, наиболее «избранные», требуют также и социального капитала. Они могут обеспечить себе социальный и символический капиталы лишь с помощью «эффекта клуба», который вытекает из устойчивого объединения в недрах одного и того же пространства (шикарные кварталы или великолепные особняки) людей и вещей, похожих друг на друга тем, что их отличает от огромного множества других нечто общее, не являющееся общим для всех. Эффект клуба действует в той мере, в какой эти люди исключают по праву (с помощью более или менее афишированной формы *numerus clausus* — порядок исключения — лат.) или по факту (чужак обречён на некоторое внутреннее исключение, способное лишить его определённых прибылей от принадлежности) не проявляющих всех желательных свойств или проявляющих одно из нежелательных свойств.

Эффект гетто есть полная противоположность эффекту клуба. В то время как шикарные кварталы, функционирующие как клубы, основанные на активном исключении нежелательных лиц, символически посвящают каждого из своих обитателей, позволяя ему участвовать в капитале, аккумулированном совокупностью жителей, гетто символически разлагает своих обитателей, объединяя в некоторой резервации совокупность агентов, которые, будучи лишены всех козырей, необходимых для участия в различных социальных играх, могут делиться только своим отлучением. Кроме эффекта «клеймения», объединение в одном месте людей, похожих друг на друга в своей обделённости, приводит к удвоению этого лишения, особенно, в области культуры и культурной практики (и наоборот, эффект «клеймения» укрепляет культурные практики наиболее обеспеченных).

Среди всех свойств, которые предполагает легитимное занятие определённого места, имеются такие — и они не являются наименее определяющими, — которые приобретаются лишь при длительном занятии этого места и при продолжительном посещении его законных обитателей. Очевидно, это случай социального капитала связей (в особенности таких привилегированных, как дружба с детства или с юношеских лет) или всех тех наиболее тонких аспектов культурного и лингвистического капитала, как манера держаться, акцент и тому подобное. Существует масса черт, придающих особую весомость месту рождения. Чтобы показать, каким образом власть и, в частности, власть над пространством, которую даёт обладание различными видами капитала, переводится в присвоенное физическое пространство в форме пространственного распределения возможностей обладать и иметь доступ к дефицитным благам и услугам, частным или общественным, я попытался несколько лет назад вместе с Моник де Сен-Мартен собрать воедино множество имеющихся статистических данных на уровне каждого французского департамента одновременно по показателям экономического, культурного и даже социального капиталов, а также по благам и услугам, предлагаемым на этом уровне.

Целью этой затеи было постараться уловить всё то, что часто относят на счёт физического или географического пространства, бессознательно подчиняясь действию натурализации, которое производит преобразование социального пространства в присвоенное физическое пространство, и что на самом деле может и должно быть отнесено на счёт структуры пространственного распределения как частных, так и общественных ресурсов и благ. Эта структура есть не что иное, как кристаллизация в данный момент времени всей истории рассматриваемой локальной единицы (регион, департамент и так далее), её положения в

государственном пространстве и тому подобное. Несмотря на то, что это исследование за отсутствием времени не было доведено до конца, оно по меньшей мере позволило сделать вывод, что главное из региональных различий, которое часто приписывают результату действия географического детерминизма (например, в логике противопоставления севера и юга), обязано своим воспроизводством в истории эффекту кругового подкрепления, непрерывно осуществляемого в ходе истории. Поскольку устремления, особенно в отношении места жительства и более широко — культуры, являются большей частью продуктом структуры распределения благ и услуг в присвоенном физическом пространстве, они имеют тенденцию меняться вместе со способностью их удовлетворять, а потому результат действия неравного распределения стремлений приводит к удваиванию в каждый момент результата действия неравного распределения средств и шансов их удовлетворения.

Определив и измерив совокупность феноменов, хотя и связанных внешне с физическим пространством, но отражающих в действительности экономические и социальные различия, остаётся только постараться выделить неразложимый остаток, который относится исключительно к действию близости или дистанции в собственно физическом пространстве. Например, эффекту барьера, следующему из локализации в какой-либо точке физического пространства и из антропологической привилегии принадлежать не только непосредственно воспринимаемому настоящему, но и видимому и ощущаемому пространству сопresentствующих предметов и агентов (соседи и соседство). Таким образом, можно видеть, что вражда, связанная с близостью в физическом пространстве (конфликты между соседями, например), может затмить солидарность, проявляющуюся на уровне позиции, занимаемой в национальном или интернациональном социальном пространстве, или что представления, связанные с занимаемой в локальном социальном пространстве позицией, могут помешать понять позицию, реально занимаемую в национальном социальном пространстве.

Примечания

1 См., например, работы П. Бурдьё: *La terre et les strategies matrimoniales*. // *Annales*, 4-5 juillet-octobre 1972; *Esquisse d'une theorie de la pratique, precedee de trois etudes d'ethnologie kabyle*. Genève: Droz, 1972.

2 См. Bourdieu P. *La Distinction*. Paris: Minuit, 1979.